
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

ПЕРНАТЫЙ МУФЛОН

Ростовчанин Федор Михайлович окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Майор внутренней службы в отставке. Участник боевых действий. Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей. В печати дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны («Литературная учеба», 1989, № 4).

Публиковался в зарубежных журналах: «Edita» (Германия), «Процесс» (Чехия), «Новый свет» (Канада), «Лексикон» (США), «На любителя» (США), «Артикль» (Израиль) и других. В центральных российских изданиях: «Литературная учеба», «Молодая гвардия», «Смена», «Мы», «Воин России», «Жеглов, Шарапов и К°», «Наша молодежь», в еженедельнике «Литературная Россия». В журнальных изданиях: «На русских просторах» (Санкт-Петербург), «Приокские зори» (Тула), «Подъем» (Воронеж), «Петровский мост» (Липецк), «Звонница» (Белгород) и других. Автор девяти книг. Причислен к направлению «жестокое» реализма. Награжден медалями «За ратную доблесть» (за создание повести на тему афганской войны «Да минует вас чаша сия»), «За отличие в охране общественного порядка», «За отличие в воинской службе» I степени и другими, нагрудными знаками «Участник боевых действий», «За службу на Кавказе», «Знак Почета ветеранов МВД».

Ночью из вольера зоопарка одного из южных российских городов таинственно исчез муфлон. То есть, конечно, не сам исчез — экспонат не был склонен к побегам, — да и не так чтобы уж очень таинственно. Его — размышляли удрученные зоологи — грубо и цинично под покровом душной ночи наверняка похитили существа более разумные. Как, например, те же бомжи, коих неподалеку от обездоленного зоопарка, в пойме реки, летом обреталось изрядное количество.

О самом механизме похищения тоже гадать особо не приходилось. Он явно совпадал с механизмом исчезновения купца Портретова из знаменитого уголовного рассказа Чехова «Шведская спичка»: «Мерзавцы убили и вытащили труп через окно». Равно как и купец Портретов, живым муфлон мало кого интересовал: тащить-то его во здравии представлялось чреватым. Куда сподручнее было перемахнуть огражде-

ние вольера и прикончить беззащитную жертву прямо в ее родных пенатах. Дабы затем перебросить свежатину через сетку и, за неимением окна, умыкнуть сквозь дырчатый забор. На воле же труп муфлона, ясное дело, был надежно скрыт путем зажаривания с последующим поглощением.

К тому времени, как в районный отдел милиции от директора научно-просветительского учреждения поступило соответствующее заявление, прошло уже трое суток, и от самого муфлона остались, как в народе говорится, рожки да ножки. А тотальное и радикальное промывание желудочно-кишечных трактов окрестных бомжей никаких улик теперь дать не могло. Однако заявление было зарегистрировано, и факт исчезновения живности по закону требовалось расследовать. И начальник уголовного розыска райотдела поступил так, как на его месте поступил бы и всякий другой начальник УГРО по России: поручил это бесперспективнейшее дело самому на тот момент молодому оперуполномоченному — лейтенанту милиции Игорю Пискареву...

Хоть и молод был сыщик, но он даже после третьего стакана понимал, что отыскать особо ценный экземпляр у него ровно ноль целых и хрен десятых. Тем не менее, он добросовестно облазил весь зоопарк, так что его начали узнавать некоторые из экспонатов, — особенно долго не сводил с лейтенанта желтых зековских глаз огромный уссурийский тигр. Побеседовал Пискарев и с несколькими бродягами, коротавшими время у шалаша из веток на берегу реки — из тех, кто на момент разговора еще мог вязать лыко. Из такового общения опер вынес твердое убеждение, что именно они-то и сожрали несчастного красавца, но подкрепить солидную версию доказательствами... Увы: плевое в общем-то дело превращалось в безнадежный «висяк» — из тех, что уже ни в сейф до лучших времен не засунешь, ни до суда никакими стараниями не доведешь.

Понимая это и ощущая многократно поротым местом пониже спины грядущие неприятности, начальник УГРО ежедневно, на утренних и вечерних оперативках, на глазах у злорадных коллег устраивал лейтенанту показательные и обидные разносы. И, явно переусердствовав в этом, допек Пискарева до отчаяния и богатой идеи, что поскольку следов взлома замка на двери вольера не было, так почему бы и не попробовать от кошмарного фактового дела отбояриться отказным материалом?

Идея сулила покой. Идея спасала всех. Но надо было ее как-то убедительно обосновать... Главное: куда конкретно мог самоустраниться из запертого вольера своенравный муфлон?..

На Руси единственным и доступным каждому сотруднику милиции источником зоологических знаний спокон веку являлась передача «В мире животных». Но наш герой, судя по всему, ее отродясь не смотрел. Иначе бы...

Впрочем, воображением Господь Пискарева не обидел, а посему, основательно поломав голову над чистым листом и обгрызая кончик авторучки едва ли не на сантиметр, оперуполномоченный в муках творчества родил следующий нетленный документ (цитируется полностью):

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об отказе в возбуждении уголовного дела

город Н-в

20 сентября 199... г.

Оперуполномоченный ОУР Свердловского ОВД г. Н-ва лейтенант милиции Пискарев Игорь Юрьевич, рассмотрев материал за № 982647 от 29 августа 199... г. по факту исчезновения муфлона из городского зоопарка,—

УСТАНОВИЛ:

26 августа 199... г. в Свердловский ОВД г. Н-ва поступило заявление от директора городского зоопарка Маркизова Семена Вениаминовича об исчезновении из запертого вольера муфлона.

В ходе сбора материала был опрошен работник зоопарка Котелко Павел Иванович, который утром, при раздаче корма животным, непосредственно и обнаружил отсутствие муфлона в запертом вольере. Произведенный осмотр территории зоопарка и примыкающей к нему местности положительных результатов не дал. Проведенный подворовый опрос жильцов близлежащих домов свидетелей исчезновения муфлона изначально не выявил.

Однако в беседе с работниками зоопарка установлено, что ветеринар учреждения гражданин Бескорвайный Валентин Андреевич, в обязанности которого входит наблюдение за состоянием здоровья зверей и птиц, содержащихся в зоопарке, своевременно не принял необходимых должных мер к предотвращению возможности самостоятельного покидания муфлоном территории упомянутого учреждения, поскольку по бесконтрольности не обстриг ему крылья в срок, указанный в графике обрезаний, что позволило вышепоименованной птице, с учетом наступившего периода перелета пернатых на юг и сильно развитого у семейства муфлонов чувства стадности, при обнаружении стаи диких муфлонов, пролетающих над зоопарком в направлении теплых стран, разбежаться, взлететь и присоединиться к собратьям, каковой процесс улетания наблюдался свидетелями, гражданами Стрюковым Юрием Дмитриевичем и Припойко Сергеем Валерьевичем, лицами без определенного места жительства (отобранные заявления прилагаются к постановлению).

С учетом изложенного, руководствуясь статьей 113 и пунктом 1 статьи 5 УПК РСФСР,—

ПОСТАНОВИЛ:

В возбуждении уголовного дела по факту исчезновения муфлона из городского зоопарка отказать за отсутствием события преступления».

Пискарев радостно и витиевато подписал документ, и он лег на стол начальника ОВД. Тот немедленно согласился с отказным и даже похвалил молодого сыщика за фундаментальные знания особенностей поведения муфлонов и прочих рептилий. Материал стремительно списали в архив... Из зоопарка, правда, раза два еще звонили и робко интересовались посмертной судьбой муфлона, но к тому времени начальник УгРо уже перевел все телефонные стрелки на Пискарева, а тот важно отвечал: «Ищем... Всем отделом... Как только, так сразу...» А потом зоопарк захлестнули события: заболел африканский слон, у четы уссурийских тигров появилось потомство (ох, недаром полосатый папаша так присматривался к нашему лейтенанту), но больше всего хлопот доставлял недавно прибывший из забугорья сварливый и неуживчивый кот манул. Словом, вскоре о неразъясненной пропаже напрочь забыли...

Но ровно через год грянула гроза. Прокурор, кропотливо проверявший отказные материалы, наткнулся на дело о «пернатом муфлоне». И все было бы ничего — сам проверяющий скупно разбирался в вопросах птичьих перелетов, но вот слово «муфлон» ему показалось до любопытства знакомым...

На беду лейтенанта Пискарева, у прокурора была жена. Да не просто жена, а зоолог. Мало того, кандидат наук. И терзаемый смутными сомнениями муж обратился к спутнице жизни за справкой: действительно ли упомянутые птицы относятся к разряду перелетных и дружны, как октябрюта застойных времен?

Нам неведомо, в каких именно выражениях супруга работника правоохранительных органов отозвалась об умственных способностях своей сильной половины. Важнее другое. Женщина сообщила, что муфлон — это жвачное парнокопытное животное, относящееся к подвиду архаров и размножающееся быстрее других его представителей. А чтобы уж у мужа исчезли последние иллюзии, снисходительно добавила: «Баран. Полорогий. Горный. Каменный. Дикий».

Прокурору хватило смекалки отнести последние высказывания не только на свой счет...

Что сделали с лейтенантом Пискаревым по служебной линии — о том История скромно умалчивает. Надо полагать, ничего хорошего. Но куда хуже другое. С того времени к бедолаге навеки приклеилось обидное прозвище: «Пернатый муфлон». В райотделе опера и до сих пор никто по-другому не называет. Хорошо еще, что за глаза...

Николай Макаров
(г. Тула)

НАШИ ВО ВЬЕТНАМЕ

Наши постоянный автор, член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова, лауреат литературной премии Правительства Тульской области имени Л. Н. Толстого.

ВЬЕТНАМСКИЕ БУДНИ

Борковский Анатолий Васильевич, родился 08.03.1937 в Одессе. Время пребывания во Вьетнаме: 25.08.1967 — 03.08.1968.

— До сих пор не могу понять,— разводит руками Анатолий Васильевич,— зачем приезжала во Вьетнам рисоводка с Кубани, Герой Социалистического Труда? Как нам объяснили, якобы, для обучения вьетнамцев правильному выращиванию риса. Это кого же она приезжала обучать? Людей, которые в год собирают по три-четыре урожая? Да...

Из воспоминаний подполковника в отставке Анатолия Борковского:

«...В Москве, на военном вещевом складе нас переодели в гражданскую одежду. По документам мы были работниками сельского хозяйства.

До Вьетнама добирались поездом. Вначале «телепались» почти семь суток до Благовещенска. Переплыли через Амур, и впереди замаячила столица Поднебесной.

В Пекине — остановка на неделю. От Пекина до границы — опять поездом. Проездные, прогонные, верстовые, командировочные 50 юаней (как их ни называй) испарились, улетучились, исчезли (как ни называй) еще на китайской территории. А 25 рублей — наш НЗ, наша гарантия от голодной смерти на обратной дороге из Вьетнама — нагло хотели забрать китайские пограничники, прекрасно осведомленные и о нашем НЗ, и о нашей принадлежности к сельскому хозяйству.

Впереди — переправа. Так мы и поплыли по реке Красной на пароме на вьетнамскую сторону в кромешную темень экваториальной ночи. Цикады стрекочут на всю округу, эхо взрывов от американских бомб где-то вдали салютует нашему прибытию. Заждались, видимо, зажгались америкосы без наших ракет. Ну, ничего, все — впереди.

...Что бы вы думали?

Хотя, если взглянуть непредвзятым глазом, то ничего противоестественного и не произошло. Вьетнамцы вправе были устроить нам такое подобие испытательного тестирования — как-никак, а надо было им знать с кем «идти в разведку». В

первый же день мне предложили провести регламентные работы с оборудованием, на котором предстояло работать. При нормативе в 4 часа 20 минут специалисту первого класса — чего скромничать-то? — за глаза хватило 2-х часов.

Потом мне предложили отведать хлебного дерева — хорошо, меня предупредили заранее, что, пройдя этот ритуал, ты становишься своим в доску вьетнамцем. Ем, значит, кусок этого дерь... то есть дерева — мыло, сплошное хозяйственное мыло пополам с замазкой, давлюсь, но ем, ем, нахваливая невиданный — век бы его не видеть, а тем более, не ням-ням кушать — экзотический вьетнамский деликатес. Съел и даже — не подавился.

...Климат?

Климат — как климат. Летом ночью в тени (?), а мы в тень-то и не лезли, — плюс тридцать, естественно, по Цельсию. Мы же — не дураки, мы же работали в кабинах, где ни ниже, ни выше плюс пятидесяти градусов, естественно, опять же по Цельсию, температура не опускалась и не поднималась.

Какие кондиционеры? Без них сбивали их «Фантомы». По первости, одной ракеты хватало на три самолета, когда ракета взрывалась среди группы самолетов, летящих на бомбардировку. А так, обычно три наших ракеты считалось приемлемым вариантом на один их самолет. Пустить ракету на цель и... только успевай смазывать пятки — иначе получишь ответный удар. В Союзе норматив по свертыванию батареи ПВО после пуска ракет составлял около четырех с половиной часов. Вьетнамцы покидали позиции через — внимание!!! — через полтора часа. Передвигались только ночью. Где мы едем, куда едем мы абсолютно не знали, но приезжая на новое место, нас всегда ждала полностью оборудованная позиция, готовая для стрельбы — ха-ха-ха — для стрельбы с лошади стоя.

Кстати, о лошадях: единственной тягловой силой вьетнамцев, кроме, понятное дело, — самих вьетнамцев, были буйволы. Так они в суровую вьетнамскую зиму при плюс 12 (двенадцати) градусов по Цельсию элементарно, грубо говоря, дохли. А мы — балдели от такой температуры. Каждому, одним словом, — свое.

...Быт?

Жили в пагодах.

Пагоды — это наподобие наших храмов (только из бамбуковых стеблей и пальмовых листьев), где через посредников общаются с Богом. И эти самые пагоды американцы — засланные казачки и среди вьетнамцев имелись, такие, значит, Павлики Морозовы вьетнамского разлива — не бомбили, зная наверняка, что в пагодах жили русские специалисты сельского хозяйства. В этих пагодах кишмя кишели крысы, в нашей — тоже. Мы предложили настоятельнице — или, как там ее, эту посредницу при общении с вьетнамским Богом, еще называть — в один момент избавиться от непрошенных соседей, которые чуть ли не изо рта вырывали ложку.

— Что вы! — с неподдельным ужасом воскликнула она. — Хо Ши Мин сказал, что крысы — это наш стратегический резерв животного белка и просто так их, то есть крыс, убивать и, тем более, кушать категорически запрещено. Под страхом смерти.

Во как — Хо Ши Мин сказал!

Это — что?

Угостили, еле упростили детей этой самой настоятельницы пагоды взять у нас пару пряников. Что тут началось! Мать наорала на детей, те в слезах приносят нам обратно гостинцы, мать следом бежит — низя, мол, категорически низя попрошайничать, брать подарки у кого-то ни было. А если взял, то отчитайся перед их деревенским комиссаром на вечерней исповеди у него, значит, а подарки сдай в общий котел. И вообще каждый вьетнамец каждый вечер должен отчитываться перед этим самым заместителем вождя. И попробуй, что утаи — немедленная кара.

Подарил я однажды своему водителю старенькие-престаренькие часы «Маяк» — хорошие, стало быть, наручные часы. Через день, весь измордованный, он попросил у меня справку с гербовой печатью, удостоверяющей, что он не украл эти часы, а получил от меня в подарок. Пришлось выдать ему сертификат оный. Даже командиру полка вьетнамского ПВО выдали справку, когда на день рождения подарили тоже часы, правда «Командирские», которые он скромно попросил, когда мы узнали о его именинах.

...О праздниках?

На 7 ноября — Годовщина Великой Октябрьской Революции (кто забыл или не помнит) — случилось более 150 налетов американцев на Ханой. На Новый год и Рождество, наоборот, ни одной бомбы на город не упало. Ханой, практически весь лежал в руинах. Целыми, невредимыми, такими сиротами стояли Драматический театр, здание электростанции и пагоды. Почему не бомбили театр — не знаю, пагоды — говорил об этом ранее, здание электростанции — в нем держали пленных американцев. И стоило однажды вывести пленных в баню, на обед или куда еще, то в сей же миг электростанция была разбомблена — засланные казачки и здесь сказали свое веское слово. Правда, электростанцию вскоре восстановили и больше из нее пленных американцев никуда не выводили.

...О пленных?

Интересный такой фортель получается. Разбомбят американцы какой-либо мост и предлагают вьетнамцам за такого-то и такого-то пленного за три дня восстановить разрушенный мост. По рукам? По рукам — водное перемирие: и вьетнамцы освобождают пленных, и американцы восстанавливают мост. А через три дня — ровно через три дня — мост опять разбомблен. Мочало? Да, опять начинай сначала.

Но разбомбленные дороги вьетнамцы восстанавливали сами. Асфальтовая дорога и справа, и слева от нее, уходящие за горизонт рисовые поля: воронки, месиво от американских бомб никак не обойти, не объехать, но... Но к утру, ни к понедельнику, ни к началу месяца, ни, тем паче, к началу квартала, а именно к завтрашнему утру — дорога восстановлена, какой бы искореженной она не была».

На том мы и расстались.

Краткая биографическая справка:

- в 1941 году с родителями переехал в Винницу;
- в 1956 году — призван Полтавским ГВК в ряды Советской Армии;
- в 1956—1959 годах — срочная служба в Киевском военном округе (от рядового до старшего сержанта) инструктором радиотехнического оборудования самолета Ту-16;
- в 1959—1962 годах — учеба в Житомирском Краснознаменном радиотехническом училище войск ПВО страны;
- в 1962—1986 годах — служба в различных частях ПВО страны;
- 27.03.1986 — уволен из рядов Советской Армии в звании подполковника;
- в Туле с 1980 года;
- награжден орденом Красной Звезды (29.11.1968), медалями, вьетнамской медалью «За дружбу» (22.07.1968).

Ноябрь — декабрь 2012 года, Тула

СБЕЙ СУПОСТАТА

Ключников Александр Максимович, родился 12.03.1940 в городе Елабуга Татарской АССР. Время пребывания во Вьетнаме: 01.03.1966 — 04.11.1966.

Первый раз лейтенант Ключников во Вьетнаме должен был оказаться в двадцатых числах декабря шестьдесят пятого года прошлого века вместе с ракетно-зенитным дивизионом, где имел честь служить после окончания Энгельсского военного технического училища войск ПВО страны. Дивизион подняли по тревоге. Посадили личный состав на машины. Выехали за ворота части. И...

— И, как гласит военно-фольклорная мудрость: не спеши выполнять первую команду,— смеется Александр Максимович,— последует другая, отменяющая первую.

— Знакомо такое положение вещей,— поддакиваю добродушно.— Чай, в одной Красной Армии служили...

Из воспоминаний майора в отставке Ключникова:

«...Значит, выехали за ворота части, выехали и в тот же час вернулись обратно. Таможня не дала «добро». То есть, китайское правительство банально — наши наперсточники от зависти локти кусали, наверное,— прокинуло наше правительство, пообещав вначале не препятствовать перемещению в полном составе советских зенитно-ракетных частей в Демократический Вьетнам, а чуть запахло жареным — от ворот поворот.

Тогда офицерский состав в срочном порядке начал проходить всевозможные комиссии: от мандатной — через органы (понятно — какие) — до медицинской. Затем — во, хохма парадоксальная — переучивание на устаревшие системы: с шестикабиночной «Двины» на трехкабиночную «Десну». Новых-то, тем более новейших, Союз в другие страны тогда не поставлял. К концу февраля эта бодяга окончилась и нас, прошедших сито проверок, на двух Ил-18 отправили во Вьетнам по маршруту: Сеца — Иркутск — Пекин — Ханой. Почти двое суток полета и из февральской стужи оказались в тропических влажных джунглях.

За два месяца обучили два полка вьетнамских пвошников, и вьетнамские зенитно-ракетные дивизионы выдвинулись на боевые позиции вокруг Ханоя. Первые два пуска делали мы, затем — вьетнамцы сами, но под нашим руководством, справлялись с американскими Ф-15.

Интересный подход у вьетнамцев был к обучению, выражаясь шершавым языком плаката: «Если ты не освоил технику, значит, помогаешь американскому империализму!» Ни больше, ни меньше. Правда, за весь период обучения был отчислен всего один вьетнамец, который практически не был в принципе способен к восприятию даже простой информации, а необходимо было при настройке аппаратуры контролировать до шестидесяти параметров. Лучшие всего усваивали «Науку побеждать», то есть сбивать американские самолеты, пацаны лет 15—17. Да и наши солдаты проявляли, не побоюсь этого слова, буквально, чудеса. Орден Красного Знамени заслужил сержант, пустивший ракету вдогонку самолету, который «нырнул» за гору. Сбил супостата. Сбил, вопреки всем законам физики, аэродинамики и другим заумным наукам. О чем через неделю доложили наземные службы. О каждом сбитом самолете подтверждение приходило ровно через неделю. Как у Теркина: «Кто стрелял?» — так и мы семь дней ожидали результата: попали или не попали...».

— Попали — молодцы! Не попали — попади в следующий раз,— завершает нашу беседу Александр Максимович.

Краткая биографическая справка:

— после окончания ПТУ до 1961 года работал на оборонном заводе электромастером;

— в 1961—1964 годах — учеба в Энгельсском военном техническом училище войск ПВО страны;

— в 1964—1969 годах — служба в войсках ПВО страны под Брянском;

— в 1969—1987 годах служба в войсках ПВО страны под Тулой;

— награжден орденом Красной Звезды, медалями, вьетнамской медалью «За дружбу».

Декабрь 2012 года, Тула

В СЕВЕРНОМ ВЬЕТНАМЕ — ПОВАРОМ

Малиновский Иван Иванович, родился 05.08.1932 в деревне Москаленки Освейского района Витебской области Белорусской ССР. Время пребывания во Вьетнаме: февраль — август 1962 года.

Оказывается, с Иваном Ивановичем Малиновским мы служили в одном полку — 51-м гвардейском парашютно-десантном полку 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии. Правда, служили вместе всего один год. Правда, служили в далеком... не то в семьдесят третьем, не то в семьдесят четвертом году. Естественно, друг друга не помним: он служил прапорщиком в каком-то тыловом подразделении, я — врачом первого батальона.

— Припоминаю только, что полком командовал какой-то нерусский подполковник.— Иван Иванович удобно усаживается в мягкое кресло.— Ноги совсем плохие стали, с палочкой хожу.

— По паспорту он родился в тридцать втором,— как бы оправдывая мужнину возрастную группу здоровья, поясняет Тамара Ивановна — супруга ветерана.— На самом деле он двадцать девятого года рождения.

— В сорок втором поймали немцы почти всю деревню в лесу и не расстреляли нас только по каким-то неизвестным нам причинам. В последний момент дали команду отступить, а так стояли под дулами их автоматов, готовые к самому худшему. После освобождения два года, как принято сейчас формулировать, был занят на трудовом фронте...

— Все бумаги, все документы сгорели,— вновь комментирует Тамара Ивановна.— А по свидетельским показаниям, что представил Иван в военкомат, в выдаче удостоверения участника трудового фронта отказали.

Она показывает заверенные синими печатями два листа свидетельских показания соседей по сгоревшей белорусской деревни.

Из воспоминаний старшего прапорщика в отставке Ивана Ивановича Малиновского:

«...Срочную службу начинал в пятьдесят втором году с учебки под Москвой, где получил профессию повара. Шесть месяцев учебы и два с половиной года поваром в авиационных частях, затем — сверхсрочная служба тоже поваром.

В шестьдесят втором оформили допуск, как положено, переодели в гражданку, собрали команду на аэродроме в Кировабаде и самолетом через Монголию доставили во Вьетнам. В Северный Вьетнам, конечно же.

Кормил наших летчиков. Никуда нас не выпускали. Где располагался аэродром,

до сих пор не знаю. Море было рядом — это точно, джунгли, комарье доставало до печенок. Спали в накомарниках. Полгода пролетели, как одно мгновение... Вот, и весь мой Вьетнам».

— Дослужился до старшего прапорщика на Клоковском аэродроме. После увольнения в запас в семьдесят девятом работал там же, на аэродроме, до расформирования вертолетного полка.

Прощаясь с Иваном Ивановичем, говорю ему, что 51-м гвардейским парашютно-десантным полком в начале семидесятых командовал гвардии подполковник Иосиф Баграмович Оганян...

Март 2013 года, Тула

ДВЕ НЕДЕЛИ ВЬЕТНАМА

Прокопьев Николай Александрович, родился 01.04.1954 в городе Зима Иркутской области. Время пребывания во Вьетнаме: август — ноябрь 1980 года.

С Николаем Прокопьевым мы часто пересекались на всевозможных мероприятиях, проводимых Тульским морским собранием, но что он «разок захаживал» во Вьетнам узнал совсем недавно.

— Значит — про Вьетнам, про вьетнамскую экзотику? — доставая из «дипломата» файлы с фотографиями и два листа машинописной автобиографии, начал Николай Александрович.— АПЛ, на которой я тогда служил, входила в эскорт кораблей Тихоокеанского флота, направляющихся к берегам Вьетнама.

Из воспоминаний капитана 1 ранга в запасе Прокопьева:

«...С Вьетнамской землей, именно, с землей, а не с морем, знакомство проходило всего две недели. Такое время лодка стояла в доке на профилактических регламентных работах и нас, свободных от вахты офицеров и мичманов, отпускали на берег. Отпускали только группами, опасаясь конфликтов с местным населением, которые, мягко говоря, недружелюбно относились к советским морякам. Они же, то есть местное население, остались после ухода американцев безработными со всеми вытекающими отсюда проблемами нищенской страны...»

...Чем питались вьетнамские военные, мы только догадывались, но точно знали, что в выходные и праздничные дни они не стояли на армейском довольствии, перебиваясь, кто, чем может. И такой момент: на лодке, да и на других наших кораблях в тропической жаре у личного состава аппетита особенно и не было. Поэтому в котлах оставались излишки нашего рациона, и повара, то есть коки, эти излишки складывали в большие толстостенные полиэтиленовые пакеты: первое блюдо — в один пакет, второе блюдо — в другой пакет и хлеб буханками — в третий. Пакеты выносились на пирс, где стояли, типа наших мусорных, контейнеры из... нержавеющей стали, к которым спешили с тележками различного габарита вьетнамские военнослужащие. Вот такая, понимаешь, гуманитарная помощь...»

...Экипировка вьетнамских военных. Военную форму матросам выдавали на семь лет: одежду, обувь, все остальное. Через год форма напоминала... Не буду о грустном. Надеюсь, в настоящее время с довольствием вьетнамской армии все изменилось в лучшую сторону...»

...Поразили нас, конечно, дороги. Ровные, прямые, абсолютно без неровностей: и магистральные, и второстепенные. Американцы строили, одним словом...».

Две недели пролетели незаметно. АПЛ погрузилась на глубину, выполнять очередные приказы Родины. Старшего лейтенанта Прокопьева ждали новые страны, новые морские просторы...

Краткая биографическая справка:

— *учеба:*

— *в 1976 году окончил Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище по специальности — инженер по специальным энергоустановкам;*

— *в 1987 году окончил 6-е Высшие специальные офицерские классы ВМФ (Ленинград) по специальности — заместитель командира соединения АПЛ по СЭУ;*

— *в 1997 году окончил ВАК Федеральной пограничной службы РФ (Москва) по специальности — командная, оперативно-тактическая Погранвойск РФ.*

— *служба (работа):*

— *август 1976 года — сентябрь 1986 года — атомные подводные лодки Тихоокеанского и Северного Флотов СССР;*

— *октябрь 1987 года — декабрь 1993 года — старший помощник, затем — командир технического отдела 1-й Флотилии АПЛ Северного флота;*

— *декабрь 1993 года — май 1996 года — начальник отдела устройства службы и режима; начальник службы войск и воинской дисциплины 1-й флотилии АПЛ Северного флота (капитан первого ранга);*

— *август 1996 года — сентябрь 1999 года — старший преподаватель кафедры тактики Курганского военного института Федеральной пограничной службы РФ (полковник ФСБ РФ);*

— *май 2000 года — сентябрь 2001 года — начальник 89-го отряда Ведомственной охраны Министерства Финансов РФ по Курганской области;*

— *ноябрь 2001 года — май 2002 года — заместитель руководителя Контрольно-ревизионного управления Министерства финансов РФ по Курганской области;*

— *май 2002 года — март 2006 года — руководитель исполкома Курганского городского отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия»;*

— *с сентября 2006 года — инженер технического надзора Центра ГИМС МЧС России по Тульской области.*

— *дальние походы:*

— *1978 год — бухта Апра острова Гуам (Тихий океан, США);*

— *1980 год — Камрань (Вьетнам);*

— *1982 год — арктический переход с Камчатки в бухту Западная Лица Мурманской области;*

— *1983 год — Куба (патрулирование вдоль Исландии, Англии, западного побережья Северной Америки и в Бермудском Треугольнике).*

— *награды:*

— *пятнадцать медалей и знак «За заслуги».*

Апрель 2013 года, Тула

РАСЧЕСКА ИЗ ПОДБИТОГО САМОЛЕТА

Репкин Виктор Иванович, родился 20.02.1935 в городе Щелково Московской области, умер 13.08.1999 в Туле. Время пребывания во Вьетнаме: апрель — июнь 1967 года.

Репкин Виктор Иванович, с отличием окончив в 1956 году Минское высшее инженерное радиотехническое училище противовоздушной обороны, до 1980 года слу-

жил на одном из оборонных заводов Тулы. Уволился из рядов Советской Армии в звании подполковника-инженера, побывав в 1967 году в командировке во Вьетнаме, откуда вернулся с медалью «За боевые заслуги».

Из рассказа сына Виктора Ивановича Репкина — гвардии ефрейтора запаса Андрея Репкина.

«...Отец обучал вьетнамцев стрельбе из зенитно-ракетного комплекса не только теоретически, но и практически. Он первым из советских спецов ракетой сбил американский самолет, вероятнее всего — бомбардировщик В-52. При очередном налете вьетнамцы из расчета попрятались в окопах, а отец — по его воспоминаниям — самостоятельно поразил цель.

...К отцу, как и ко всем нашим военным специалистам, были прикомандированы вьетнамцы — переводчик, личный повар и шофер. Они-то из обломков сбитого самолета сделали расческу и перстень и подарили их отцу. В довесок к подаркам отец из Вьетнама привез и осколок того самого, сбитого им, самолета...».

В ноябре 1967 года В. И. Репкин награжден медалью «За боевые заслуги».

Август 2012 года, Тула

ВОЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬ ТОЛОКОЛЬНИКОВ

Толокольников Гений Павлович, родился 10.04.1937 в городе Рубежное Луганской области Украинской ССР. Время пребывания во Вьетнаме: 11.1986 — 11.1990.

Первый вопрос, который я задал Толокольникову при нашей встрече, касался его имени.

— Отец назвал,— и, как само собой разумеющееся, продолжил: — В честь Гения всех времен и народов Владимира Ильича Ленина. Младшую сестру назвали Викторией — опять же в честь Виктории, то есть Победы, и не просто Победы, а Победы Всемирной Революции. Во — как: ни больше и ни меньше.

Отсмеявшись, прошу Палыча — десять лет возрастной разницы не повлияло сразу перейти на «ты» — рассказать об истоках его военной стези.

— Отец погиб на войне, дядя служил в 1-й Конной армии у Буденного — он-то меня вначале и повез в Новочеркасск в сорок восьмом году. Там — сорок человек на место. Меня дальше медкомиссии не пропустили, заявив,— Гений Павлович опять смеется,— что у меня одно яйцо ниже другого. Откуда было пацану знать, что это, наоборот, нормальное явление мужского организма. На следующий год дядя привез меня в Тулу. Начальник училища вызвал старшину, тот сгреб меня в охапку и отнес в баню. Затем — учеба...

Собеседник задумался.

— Сейчас модно разглагольствовать о нагрузках нынешних школьников. У нас: шесть часов занятий, обед, час сна, полдник и самоподготовка до ужина, отбой у младших классов в двадцать два ноль-ноль. Спасибо нашим преподавателям, которые занимались с нами с утра до вечера. За три месяца — некоторые суворовцы и читать-то толком не умели — всех подтянули до среднего уровня. Возились... как с родными детьми. Спасибо еще раз им, нашим педагогам, нашим воспитателям.

Наша беседа за стаканом чая — не за рюмкой, не за рюмкой — а, именно, за стаканом чая перескочила на Вьетнам.

— Увидев на термометре почти сорок по Цельсию, обливаясь потом, спрашиваю у старожилы, который нас встречал: «Как вы в такой жаре спите»? «Запросто,— следует ответ.— У нас же — кондиционеры.— Далее пауза по Станиславскому и... сногшибающие слова.— Правда электричества часто, ну, очень часто, не бывает»...

Из воспоминаний Геня Толокольниковца:

«...В ноябре 1986 года я прибыл с женой в аэропорт Ханоя Ной-Бай, в связи с назначением меня руководителем Военного Представительства Министерства обороны СССР в Социалистической Республике Вьетнам. Самолет прибыл во второй половине дня сразу после мощнейшего тропического ливня. Оформив документы, погрузились в «Волгу» и поехали в Ханой. Вся дорога была полностью заполнена велосипедистами, ехали со скоростью 10—15 километров в час. Темное мрачное небо лежало, казалось, на самой дороге. Вся зелень вокруг являла собой, перефразируя Конан Дойла, этюд в мрачно-ядовито-зеленом цвете. И... тишина... Нет, мертвые с косами вдоль дороги не стояли, но — ни единой птицы в воздухе. Настроение — под стать природе. Как говаривал все тот же Конан Дойл или кто другой, в такую погоду только и совершаются самые гнусные и кровавые преступления.

Поздно вечером разместились в гостиничном комплексе Ханоя «Ким Лиен» на четвертом этаже в двухкомнатной квартире 1-го корпуса. Почти не спали: в какую тьмутаракань нас занесло — синхронно и тревожно металось в наших головах, а на сердце скребли... Да на каком сердце? Это крысы скребли в соседней комнате, обжираясь нашим мылом — тоже оказались неравнодушными к советскому парфюму.

...Утро началось, естественно, с восхода солнца, затем — выезд в аппарат Главного военного советника министра национальной обороны СРВ Героя Советского Союза генерал-полковника Ю. Ф. Зарудина. Доложив о прибытии, получил краткие ЦУ и очень краткие ЕБЦУ — ценные и еще более ценные указания. Спеца учить — только время терять. Свои обязанности в осуществлении руководства работой советских специалистов не вызвали никаких затруднений. Засучив рукава — хотя, какие рукава у безрукавки? — не раскачиваясь и не расслабляясь с дороги, сразу включился в работу.

Через двое суток меня представили вьетнамской стороне в качестве руководителя Представительства Министерства обороны по оказанию содействия в создании объектов для обслуживания и ремонта военной техники, поставляемой из Советского Союза.

За неделю ознакомился с обстановкой на объектах технического содействия — это так назывались всевозможные стройки военного назначения во Вьетнаме, — которых до моего прибытия насчитывалось около 150 в разной степени готовности. На этих объектах трудилось более трехсот советских специалистов.

...Первая командировка на создаваемый объект — училище ПВО в районе Шантая. Без приключений не обошлось: как всегда, «дело было не в бобине...» и далее по тексту — на полдороге лопнул ремень вентилятора двигателя. В десантных войсках не только у каждого водителя имеется своя палочка-выручалочка на все случаи жизни — парашютная стропа; у нас, в багажнике ГАЗ-24 нашлась подходящая веревка, которая и заменила злосчастный ремень. А вокруг... Вокруг поля с непонятно какими овощами-фруктами, издали похожие на капусту. Читал, что во времена Екатерины Великой под Питером в открытом грунте выращивали эту экзотику, но вот так, вживую впервые увидел плантации ананасов.

В училище нас встретил начальник Герой Вьетнама и Герой Вооруженных Сил Вьетнама генерал-майор. После быстрого знакомства, нас усадили за «позавтракать» с длинными, прославляющими компартии обеих стран, тостами... У нас в стране — помните? — набирала темпы антиалкогольная компания. Видя наше за-

мешательство и осторожность, начальник училища полушепотом, доверительно поведал, что всухую произнесенный тост за наши героические народы будет воспринято кое-где наверху превратно, и мы уже без всякого опасения подняли полные стаканы (а кто ж пьет водку из мелкой посуды?) вьетнамской водки «Лемойка».

День работы, затем — переговоры, уточнение планов громадьи и... обед с национальными блюдами все под ту же вьетнамскую водку «Лемойка».

На ночлег остались в училище. Спали под навесом на деревянных кушетках два на два метра, покрытых циновкой с небольшим валиком под голову. Думал, как на этом «безобразии» без матраса и других прелестях цивилизации можно спать? Ан оказалось, что при ночных двадцати пяти — двадцати восьми по Цельсию с плюсом лучшего, чем циновки и деревянные настилы, не придумать. Что с большим нашим удивлением обнаружилось на утро, когда проснулись бодрыми, полными сил и энергии для новых... и застолий тоже.

...Туристический центр Далат, расположенный в трехстах километрах северо-восточнее Хошимина. Город гор и лесов, город озер и водопадов, город громадных сосен и орхидей, гладиолусов и роз, город — сказка, одним словом.

...Или город Хюэ, расположенный в центральной части Вьетнама, который долгое время был столицей страны. Город гробниц династии Нгуенов, которые расположены на берегу Ароматной реки. Каждая из гробниц представляет собой законченный образчик пейзажной архитектуры, являясь неповторимым шедевром древних вьетнамских зодчих...».

Биографическая справка:

— полковник в отставке;

— 1949—1956 годы — учеба в Тульском суворовском военном училище (восьмой выпуск);

— 1956—1958 годы — учеба в Московском высшем военном училище имени Верховного Совета РСФСР;

— 1958—1960 годы — учеба в Омском высшем общевойсковом командном училище имени М. В. Фрунзе;

— 1960—1964 годы — служба в Группе Советских войск в Германии (ГСВГ);

— 1964—1969 годы — учеба в Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева;

— 1969—1972 годы — служба в военно-строительных войсках: начальник строительного-монтажного отдела; начальник производственно-технического отдела, главный инженер строительных организаций;

— 1972—1974 годы — технический специалист в Республике Сомали;

— 1975—1986 годы — старший офицер отдела, заместитель начальника отдела Управления по строительству объектов за границей Министерства обороны;

— 1986—1990 годы — заместитель главного военного советника — руководитель военного представительства МО СССР в СРВ по вопросам технического содействия в строительстве специальных объектов;

— в 1992 год — увольнение из рядов российской армии;

— с 1993 года — заведующий отделом в Московском институте машиноведения имени А. А. Благонравова;

— награжден медалями, вьетнамским орденом «За боевые подвиги» I-й степени.

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

ПИСЬМО ОТЦУ

Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова в 1961 году. Врач-педиатр. Доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии РНИМУ им. Н. И. Пирогова. Член Союза журналистов г. Москвы. Пишет прозу. С 2007 г. публикуется в журнале «Приокские зори». Лауреат всероссийской литературной премии Левша им. Н. С. Лескова.

Здравствуй, папа! Я никогда не видел тебя. Сохранилась только одна фотография, где ты с мамой, молодые. У тебя густые черные волосы на прямой пробор и бабочка в светлый горошек. Она с гладкой прической под белым беретом, надетым слегка набекрень.

Берег этот двойной портрет. Всегда боялся его потерять из-за многих переездов, случившихся в моей жизни. Другого доказательства, что был отец — у меня не было.

Когда кончилась война, все ждали возвращения своих отцов. Все, кроме мамы. Это было самое тяжелое, что пережил мальчишкой. Много всего было за долгую жизнь, но это было самое тяжелое.

Завидовал другим, к кому вернулись отцы.

Когда спрашивали, где твой папа, говорил — пропал без вести. Так научила мама. Так часто тогда говорили. Плен, дезертирство, остался в другой стране, вернулся не в свою семью. Или погиб и захоронен в братской могиле — неопознанный, безвестный. Еще не было поисковиков, которые искали такие могилы. Они появились спустя десятилетия после войны. Находили тела погибших солдат, по документам, случалось, находили их родственников. «Воскресали» близкие, сложившие голову на войне. Ты не воскрес.

Я никогда не видел документ, где было бы написано «пропал без вести». Или какой-нибудь другой бумаги о тебе, когда взрослый разбирал наш скромный семейный архив. Не было ни одной твоей фотографии, кроме той, где ты с мамой. Как она уцелела в круговерти многих десятилетий, не знаю.

Люди не любили тех, у кого «пропал без вести». Подозрительность, стукачество были в ходу. Ты такого слова, наверное, не слышал. Стукнуть, значит донести, чаще без всякого основания или «корысти ради», а иногда бескорыстно. Впрочем, может быть слышал.

В то время многие семьи осиротели. Война. Безотцовщина. Но безотцовщина была разной. Папа герой, сложил голову за Родину. Вот медали, ордена. А если «пропал без вести», кто его знает, что за этим стоит. Подозрительно как-то.

Особенно тяжело было, когда настало время получать всякие документы. В графе «отец», посмотрев внимательно на тебя, делали прочерк. Прочерк, этот как бы вы-

черкнули человека. Не было его. А откуда ты взялся, возможны разные варианты. Стыдно было. Мальчишкой все это переживалось больно. Потом привык.

Трудно было без тебя.

После войны было голодно. Хлеб давали по карточкам. У мамы была карточка «на иждивенца», она «по болезни» не работала. У меня — детская карточка. Это черный хлеб, маленький, как плитка шоколада, кусочек. Иногда мне доставалось несколько таких кусочков. Потом я узнал, что она сберегала свои, чтобы дать мне наестся. Пережитый в детстве голод оставил след на всю жизнь. И сейчас в своей семье я не выбрасываю остатки недоеденной еды или хлеба. Или доедаю, чтобы не были выброшены домохозяевами, или сберегаю.

Чтобы как-то выжить мама шила на ручной машинке Singer. Обшивала меня — куртка черного сукна, как сейчас помню, с серой кокеткой. Помню брюки-клеш по-моряцки, без ширинки, с клапаном по бокам на пуговицах. Война еще оставалась в каждой детали быта. Шила и на продажу по ночам. Боялась «финна». Потом я узнал, что финн это фининспектор. Узнав о нелегальном «бизнесе», обложил бы налогом. «Заработок» от шитья был нерегулярным и скудным. Налог бы задушил нас.

* * *

Мама помнила тебя всю свою жизнь. Она хотела, чтобы я был во всем похож на тебя. Поэтому я учился хорошо. Был внимателен к ней. Случалось, мои мальчишеские проступки огорчали ее. Она, обидевшись, долго со мной не разговаривала. Это было самым тяжелым для меня наказанием.

Она говорила — папа был добрым. Я старался быть добрым. Она говорила: папа был образованным. Несмотря на бедность, не заставила идти работать. Настояла на том, чтобы поступал в институт. Что-то было во мне от тебя, как с ее слов я себе тебя представлял. Была планка, которую должен был достичь. Хорошо учился. Поступил в институт. Мама этим очень гордилась.

Ты не переставал жить в ее сознании. Она говорила мне — ты вылитый папа. Тогда смотрел на тот единственный портрет — похож, когда своими годами сравнился с твоими. Теперь тот, на портрете, ты годился бы мне в сыновья.

По вечерам, пока еще был холостой, мы часто выходили погулять вместе. Мама брала меня под руку и, кажется мне, что в эти минуты я был для нее ты. В те первые годы после войны мужчины были нарасхват. Никто не заменил ей тебя. Ваша любовь друг к другу была такой, о которой написано в старинных книгах.

Мама неохотно рассказывала о тех годах, когда вы были вместе. Особенно о том, как все тогда, до войны, жили.

Один ее поступок, запечатлевшийся с детства, спустя много лет показался мне знаменательным и кое-что объясняющим. Но это понял много лет спустя. В школе принимали в пионеры. Пришел домой с красным галстуком на рубашке. Утром, собираясь в школу, галстука не нашел. Мама сожгла его в печке. В коммунальной квартире, где мы тогда жили, была дровяная печка. Не для отопления, для приготовления пищи. Не помню, что сказал в школе.

Знаешь, папа, с годами все больше понимал, что мы с мамой, как бы сказать, были другие.

Она не читала газеты и редко слушала радио.

Когда я окончил техникум, чтобы быть принятым в институт, надо было вступать в комсомол. «Что ж,— сказала мама,— вступай в комсомол». Долго не мог понять, с чем это было связано. Теперь понимаю. Надо было уступить. Уступил и много лет спустя. Надо вступить в партию, сказали мне, давая понять, что без этого дальнейшее продвижение по службе невозможно. Наивный, пошел к шефу спросить, что делать.

Ответ был лаконичный, даже не ответ, а вопрос — что, еще не созрел? Емкий вопрос. Надо было «созреть», чтобы преуспеть в те времена.

Во мне есть ощущение, что мама пошла к баптистам, чтобы отличить себя от того времени и общества.

* * *

Все пережитое с памятного детства — до поры необъяснимая безотцовщина, особенность нашей маленькой семьи из двух человек, — повлияло и влияет до сих пор на мое восприятие или неприятие текущих теперь событий, которые образуют жизнь.

Войну помню и знаю только по книгам, фильмам, песням тех лет. Когда она началась, мне исполнилось четыре года. Меня увезли в Рязанскую область в эвакуацию. До сих пор помню это слово — эвакуация. Где вы были в войну? На фронте? В тылу? В эвакуации? В плену? Хорошо, если на фронте. В тылу — тоже не плохо, если «своим трудом ковал победу». В эвакуации — мама увезла сына к родственникам, где можно было как-то пережить нужду и голод. Хуже всего было тем, кто был плену. Об их судьбе узнал только много лет спустя.

Не было семьи, в которой не было бы погибших на фронте. У нас погиб — умер от тяжелого ранения в эвакогоспитале брат мамы, мой дядя Яков. У маминой сестры Лизы, моей тети, погиб муж Анатолий, морской летчик — лейтенант. Вместе с извещением ей прислали его вещи, из которых мне до сих пор памятен моряцкий кортик. Это была игрушка, какой не было ни у кого из моих сверстников, вызывавший у них зависть. В черных с золотом ножнах, блестящий, острый.

И все-таки когда я смотрю по телевизору праздничные парады Победы, мне кажется, что не испытываю тех чувств, которые испытывают другие. Те, кто знает, где их отцы были во время войны. Где ты, мой отец, был во время войны? Почему кто-то отнял у тебя причастность к Победе? Кто отнял у меня сопереживание вместе со всеми радости Победы!?

От того, что я теперь знаю кто, мне не легче.

* * *

Мои юность и зрелые годы были как у всех тогда.

На мое студенчество пришелся Всемирный фестиваль молодежи. Хорошо помню, как вместе с сокурсниками бегал на улицы, по которым из проезжавших открытых грузовиков нам махали руками и разноцветными флажками черные, белые, желтые молодые люди в сомбреро, чалмах, шляпах, фуражках. Они улыбались нам, мы улыбались им. Как вместе с ними танцевали на улицах. Это был праздник для нас тоже.

Помню победы наших хоккеистов над канадцами. Оторваться от телевизора в дни матчей — было невозможно. Гордость за СССР была искренней и всеобщей. Халл, Бурбоне, Эспозито — это канадцы. Наши — Толя Фирсов, какие изумительные обводы и финты. Его боялись канадские голкиперы, бравады ради игравшие без защитного шлема. Тройка нападающих, равной которой нет и уже, вряд ли, будет — Харламов, Петров, Михайлов.

А фигуристы! Эти зрелища были привлекательны еще и тем, что мы могли видеть не только катание, но и раскованное поведение «ихних» спортсменов и их тренеров, непосредственность выражения их эмоций, их наряды. Это был праздник не только спорта, но и праздник жизни, для нас неведомый. Потому столь притягательный. Фигуристы были тоже всеобщими любимцами.

Гордость за победы наших спортсменов переполняла нас. У себя дома перед телевизором мы тоже вставали, когда исполнялся гимн в честь наших победителей.

И первый и очень неприятный «звоночек» — Белоусова и Протопопов навсегда уехали за границу. Объяснить это тогда никто не мог.

Уже Олимпиада 80-го не вызвала всеобщего воодушевления и гордость за страну, как раньше. Жить стало хуже. Из-за Афганистана мы не добрали целый ряд национальных спортивных команд. Энтузиазма поубавилось. Патриотизма тоже. Появляло холодом с Запада.

Посыпались анекдоты про власть. Не злые — насмешливые, с примесью разочарования. На праздничные демонстрации ходили уже не «по зову сердца», а по обязанности. На службе старались помалкивать. В отдельных квартирах, пришедших на смену коммуналкам, кухня стала дискуссионным клубом. В квартире с соседями, особенно не поговоришь. На кухнях же, завянных табачным дымом, шли жаркие споры о том, что есть и что будет. В отличие от советов, здесь не было поголовного единогласия. Спорили до хрипоты и расходились друзьями. Мини-парламент. Оказалось, измени быт — и изменится идеология.

Параллельно «вольнодумство» среди молодых и немолодых процветало в туристских походах. Песни у костра. Почему-то часто пели «Колыму» и «Таганку». На смену «криминальной лирике» пришли Визбор и Окуджава. Следом авторская песня. Стоило посмотреть на лица и в глаза тех, кто приходил на концерты бардов. Зал и авторы дышали одним воздухом, были едины эмоциями и мыслями.

Это было в мои зрелые годы.

Воздух накалялся. Предчувствие и желание перемен ощущались кожей.

* * *

Я не смог дочитать до конца «Архипелаг Гулаг». Уже был «Один день Ивана Денисовича». Ожидаемое, но не потрясшее произведение. Еще раньше посыпались реабилитации. Узнали, что у многих и многих известных людей — артистов, певцов, ученых их родственники были репрессированы и даже расстреляны. Удивление и недоумение было всеобщим.

Но «Архипелаг Гулаг» был так насыщен описаниями людских страданий, унижений, издевательств, боли, что у меня не было сил читать до конца страницу за страницей. У пожилого уже человека болело сердце, раскалывалась голова, на глаза наворачивались слезы.

А дальше было то, что ты, наверное, не смог бы себе представить. Среди бела дня над головой все в одну и ту же сторону летели вертолеты. И в той же стороне слышались орудейные залпы, так знакомые по фильмам про войну. На экранах телевизора танки шли на толпу, пытавшуюся их остановить. На высоком белом здании из окон вырывались языки пламени, и стена в этом месте становилась черной. Ты мог бы представить, что рабочие своими пластмассовыми касками будут стучать по асфальту, чтобы выразить свое негодование? По телевизору нам нередко показывают, как в чужестранных парламентах депутаты кулаками отстаивают правоту своих взглядов. И в нашем парламенте в то время и до сих пор случается видеть, невиданное ранее — рукопашный бой, как самый действенный аргумент в дискуссии. Ты смог бы себе представить, как председательствующий выносит на обсуждение указ о роспуске одной единственной в стране партии, и депутаты большинством голосов этот указ утверждают? Все это на экранах телевизора транслировалось на всю страну. Некоторым улицам и площадям вернули прежние названия, сняв таблички с именами уходящих в небытие вождей — больших и поменьше.

Такие были времена.

Страна стала другой. Ты бы не узнал ее, буде дожил бы до всех этих перемен. И зная со слов мамы твои убеждения, не уверен, принял ли бы их.

* * *

Жить стало труднее, но интереснее. Открылись шлюзы информации, стали известны факты и события, которые перевернули представление о себе и стране. Теперь ты стал отвечать за себя, за свою судьбу сам, а не «добрый дядя». Какие книжки удалось прочитать! Какие художественные выставки — посмотреть! В Большом театре певцы стали петь оперные партии на языке оригинала. Легализовали джаз. Вспомнили Вадима Козина. Лидию Русланову. Прочли «Бесов». Фильм поставили по этой книжке Достоевского. Вернули Набокова, Бунина, Платонова. По Булгакову поставили фильм «Белая гвардия». Ранее непредставимое! Помню, как переписывали от руки «Реквием» Ахматовой, стихи Мандельштама. Теперь эти книжки можно купить запросто. На смену журналам, изданным на быстро изнашивающейся бумаге и со скромными иллюстрациями, появились гляцевые журналы с непривычно многими страницами рекламы модной обуви, шикарных автомобилей, изящных красоток в туго обтягивающих платьях или откровенных купальниках. Автомобилей отечественных почти стало незаметно в потоке «шевроле», «вольво», «хьюндаев», «фордов», «опелей», «рено».

Научились следить за курсом валют и процентной ставкой. За ценами на нефть и газ. За ценами на продукты питания и ценами за электричество и телефон. Стало много очень бедных и очень богатых. Бедные терпеливо ждут улучшения жизни. Богатые не стесняются выставлять свое богатство напоказ. И в то же время свои коттеджи обнесли высоченными заборами с колючей проволокой поверху. Было ли бы тебе это по сердцу, так свято веровавшему в счастье для всех?

Стали возможными поездки за границу. Без прохождения партийных комиссий. Выправляешь визу и в самолет. Знаменательно, но поначалу, например, британскую визу выдавали нам, российским, бесплатно. Потом за большие деньги и снятием отпечатков пальцев.

Не знаю, кого благодарить, но на седьмом десятке жизни удалось побывать в разных европейских странах. И в Испании.

В Европе тебе улыбаются на каждом шагу. В транспорте, в магазине. Кого-то нечаянно задел, улыбка. Спросишь, отвечают с улыбкой. Как пройти или проехать — тоже объяснят с улыбкой и, случалось, проводят до нужного места, если не далеко. Раздраженных лиц не видел. Хотел бы перенять этот обычай или привычку и улыбаться у нас не рискнул. Скорее всего, неправильно поймут.

Видеть другие страны и полезно, и поучительно. Лучше понимаешь себя и свою жизнь.

* * *

Стал возможным поиск своих близких, исчезнувших из жизни по не всегда понятным причинам или обстоятельствам. Раскрылись архивы. Все ли, не знаю. Кому-то удалось что-то узнать. Получить документы. Узнать о реабилитации. Кому-то нет. Получила свою расшифровку аббревиатура СЛОН. Стали печатать фотографии со стройки Беломорско-Балтийского канала. Был издан альбом с рисунками узницы одного из «лагов» Евфросинии Керсновской.

Мы лучше узнали историю своей страны, которую ты так любил, не зная этой истории.

На одной из знаменитых площадей в центре города на месте снятой статуи не менее знаменитого человека положили огромный камень в память всех исчезнувших из жизни по разным причинам и обстоятельствам. Стало традицией приходить и возлагать к нему цветы. С каждым годом к нему собираются все больше и больше людей. Стоят молча. Кто-то плачет. Речей не произносят.

Однажды пришел к нему и я. Купил десять красных гвоздик. Народу было много. Хотел приблизиться к камню. Расталкивать собравшихся было бы неуместно. Это ведь не зрелище, которое надо непременно увидеть поближе. Вереницей образов и событий в памяти прошла вся моя жизнь без тебя.

Когда перед моим внутренним взором как бы пролистались страницы альбома Евфросинии Керсновской, не смог сдержать слез. Возможно, и тебя постигла участь тех, кто изображен самодельной художницей, видевшей все своими глазами. Мужественной женщины, которой хватило сил и умения создать документ пережитого всей страной,

С полными слез глазами так и отошел с цветами в руках. Отдал их девушке, подходившей к камню.

PS.

Ты для меня всегда был живой. Поэтому так написалось — здравствуй папа! Не помню тебя живым совсем. Как ты держал меня на руках. Как радовался моему появлению на свет. Это все, наверное, было. Но на какой-то краткий момент. Знаю, что тебя давно уже нет — в любом случае. Мама умерла 17 лет назад, не дожив до ста лет этих самых 17. Вы одногодки. Когда раскрылись архивы, у меня не хватило душевных сил искать о тебе правду. Боялся, что она будет столь жестокой, что жить, зная ее, будет невыносимо тяжело.

В моей жизни ты присутствуешь таким, как на той фотографии с мамой — густые черные волосы, рассыпанные на прямой пробор, бабочка в горошек на шее. Добрые, умные глаза. Давно позади остался мой возраст, когда я был, как говорила мама, так похож на тебя. Теперь я стар и сед, а ты, мой папа, так и остался для меня на всю мою жизнь молодым — двадцати трех летним. И будешь таким всегда.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ПО СЛЕДУ «БЕСА»
Рассказ-быль

Член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова (2009 г.)

Этот случай, о котором я собираюсь рассказать, к герою моих постоянных публикаций — полицейскому уряднику Сидорову — никакого отношения не имел, но к деятельности крапивенской уездной полиции Тульской губернии имел самое непосредственное. Итак, представьте себе раннее январское воскресное утро 1846 года. На еще темном утреннем небе, гася яркие огни ночных звезд, красной краской запылял утренний рассвет. Пропахшие прогорклыми запахами от дымящихся печных труб тихие крапивенские улицы еще продолжали оставаться во власти сна, когда их тишину нарушили своими колокольными перезвонами крапивенские церкви, оповещая жителей о начале заутренней службы.

В Архангело-Михайловской церкви прихожан было много, а потому на еще одного вошедшего в церковь прихожанина никто не обратил никакого внимания. Высокого роста и широкоплечий, в черном подпоясанном овчинном тулупе, он снял шапку, отряхнул рукавицами свои валенки от снега, а затем провел рукой по бороде и усам, отирая их от налипших в виде сосулек маленьких капелек. Поставив некоторое время у входа, и осмотревшись по сторонам, он, опираясь о палку и прихрамывая на одну ногу, тяжелой поступью пошел сквозь стоявших вплотную друг к другу людей, при этом задевая и толкая их своими плечами. Недалеко от клироса остановился на мгновение, а затем под негромкие и мягкие голоса певчих, шагнул к алтарю.

Священник отец Арсений, громко произнося слова молитвы, стоял у Царских врат и уже собирался распахнуть их и выйти к прихожанам, как в это самое время в расположенную рядом с вратами дверь вошел незнакомый ему человек. Отец Арсений замер от неожиданности и с удивлением взглянул на вошедшего.

— Ты меня знаешь? — грубым тоном, спросил вошедший.

— Нет, не знаю, — прекратив читать молитву, спокойно ответил священник.

— Я — Ермил, — назвал незнакомец.

— Чего-то хочешь от меня, Ермил? — продолжая внешне оставаться спокойным, спросил отец Арсений, хотя спокойствие ему давалось нелегко. Он интуитивно почувствовал опасность для себя, которая исходила от Ермила.

Ермил не ответил. Он, сверкая глазами, злобным взглядом смотрел на священника, и сжимавшие рукоять палки его пальцы от напряжения побелели. Нехорошие предчувствия еще с большей силой вкрались в душу и сердце священника. В это время с противоположной стороны иконостаса послышались голоса, и в алтарь вошел церковный староста Андриан.

— А ну, выдь отсель, неча тебе здесь делать! — приказал он, но Ермил на его слова никак не отреагировал, лишь повернулся неуклюже и косым взглядом на него взглянул.— Выдь из Алтаря сказано тебе! — вновь потребовал Андриан, но Ермил в ответ замахнулся на него палкой.

— Молчи, собака поповская! А не то я тебя пришибу! — продолжая злобно сверкать глазами, пригрозил Ермил.

Однако Андриан не испугался. Он ловко одной рукой перехватил занесенную над ним руку с палкой, а другой схватил Ермила за подпоясину и стал вытаскивать из алтаря, но тот не поддавался. Он отмахнулся от Андриана и, взбрыкнув ногой, попытался пнуть его, но Андриан увернулся и, схватив Ермила за волосы, вывел его из алтаря. Заревев от боли, Ермил, в бешеной ярости вырвался из рук Андриана, оставив зажатым в его кулаке пук своих волос, после чего с размаха ударил его палкой.

— Вот тебе, собака! Вот тебе! — Ермил еще раз со страшной силой ударил Андриана палкой по спине.— Запомнишь надолго Федота! — выкрикнул он и, вновь взмахнув палкой, со страшной силой обрушил ее на висевшую перед иконой Казанской Божией Матери лампаду. Со звоном разлетелось битое стекло, и из поврежденной лампы, словно кровь, медленно потекло лампадное масло, роняя свои вязкие капли на истоптанный десятками ног грязный пол.

Увидев разъяренного Ермила-Федота, стоявшие рядом с ним прихожане в ужасе шарахнулись в сторону, певчие прекратили пение, и по храму единым стоном прокатилась волна негодования. На помощь Андриану бросились дьяк Андрей, пономарь Петр и еще несколько прихожан мужчин. Они вытолкали Ермила на улицу и попытались сбить его с ног, с тем намерением, чтобы связать его и сдать полиции, но сделать это им не удалось. Ермил-Федот отчаянно от них отбивался палкой, а затем, заревев по-звериному, растолкал всех в разные стороны и, прихрамывая, подбежал к своей лошади, быстро отвязал ее от коновязи, несмотря на хромоту, ловко запрыгнул в сани и умчался прочь.

— Ох, и силен, шельма! Будто бес в нем сидит! — воскликнул пономарь Петр.

— Он и есть — бес! Слыхал, как заревел-то? Нешто человеку так свойственно как зверю реветь? — тяжело дыша, проговорил Андриан и, взяв в руку горсть снега, вытер им свое лицо.

Спустя четверть часа в церкви была полиция. Осмотрев место преступления, и описав подробно в протоколе разбитую лампаду, они приступили к опросу очевидцев.

В дореволюционный период России преступления совершенные против церкви и вероисповедания, так же как и преступления, совершаемые против существовавшего строя, а равносильно, подрывавшее экономические устои фальшивомонетничество, относились к разряду преступлений особой важности, и к их расследованию нередко подключались жандармы, а сам ход расследования таких преступлений, находился на особом контроле лично у губернатора. Поэтому для раскрытия этого преступления и розыска преступника были привлечены лучшие силы крапивенской полиции.

Из протокола допроса церковного старосты Андриана, цитирую: «Староста Архангело-Михайловской церкви казенный крестьянин Московской слободы Андреян Тимофеев 28 января во время церковной службы он увидел, как неизвестный ему крестьянин самовольно вошел в Алтарь. Он вошел следом и попросил того неизвестного выйти из Алтаря, но тот стал его оскорблять недостойными и матерными словами, а затем ударил палкою. Того крестьянина он в церкви раньше не видел и как его зовут он не знает. Назывался то Ермилом, то Федотом».

Допрошенные дьяк Андрей Супроцкий и пономарь Петр Веслов также показали, что крестьянина, нарушившего тишину и порядок в церкви, они не знают и раньше его никогда не видели. Опрос находившихся на тот момент в церкви прихожан также не дал никаких положительных результатов и расследование, как сейчас сказали бы,

зашло в тупик, и возможно из того тупика не вышло бы, если бы не случай. В тот же день, 28 января, в крапивенскую полицию поступило прошение крапивенского мещанина Владимира Белобородова об избиении его чиновником Чизенковым (*имя и отчество в прошении не указано.— Авт.*) По этому заявлению разбирался квартальный надзиратель Адамов. Он-то неожиданно и получил сведения о преступлении, совершенном в Архангело-Михайловской церкви. В поданном на имя полицейского исправника рапорте он указал следующее: «...в ходе разбирательства жалобы мною установлено, что чиновник Чизенков нанес оскорбления мещанину Белобородову, отстаивая честь своей знакомой Анны Тепловой, которая во время ее опроса высказала претензию, что лучше бы полиция приняла меры к одоевскому крестьянину, разбившему в церкви лампаду, чем притесняет честного человека Чизенкова».

Анну допросили в тот же день. Из протокола допроса, цитирую: «Дворянка канцелярийша крапивенского уездного казначейства Анна Матвеевна Теплова 28 января находилась в Архангело-Михайловской церкви на утренней службе вместе со своею матерью. Во время службы одоевский крестьянин по имени Федот вошел в Алтарь, а затем палкой ударил сторожа церкви и разбил лампаду у иконы Божией Матери. Того Федота она видела в одоевском казначействе, когда приезжала туда по казначейским делам».

В Одоевское уездное казначейство крапивенские полицейские выехали утром следующего дня, а уже в полдень нарушитель тишины и спокойствия давал признательные показания. Цитирую: «Крепостной крестьянин господина Соловьева села Вышина (*возможно Вешино или Вяшино, запись неразборчива.— Авт.*) одоевского уезда Федот Савельев показал, что 28 января он был в Крапивне в Архангело-Михайловской церкви. Он увидел у образа Казанской иконы Божией Матери маленький огарок свечи догорает и хотел его потушить. В это время неизвестный ему крестьянин схватил его за волосы и потащил из церкви вон. Тащил его мимо стола к оному был приставлен фонарь, и он тулупом своим за оный зацепил и оный разбил, после чего тот крестьянин вместе с другими крестьянами вытащили его за волосы на паперть. Он три раза ударил их палкою, чтобы они его не трогали, а он в то самое время хотел вернуться в церковь за своими рукавицами».

Вот такие показания дал задержанный крестьянин Федот Савельев. Однако, принимая во внимание показания свидетелей, крапивенские полицейские не могли признать их правдивыми, и 2 февраля 1846 года крапивенский уездный исправник на имя тульского губернатора направил донесение следующего содержания, цитирую основную и заключительную части донесения с сохранением стиля и орфографии: «Вашему превосходительству честь имею донести, что минувшего генваря 28 числа оного года города Крапивны священник Архангело-Михайловской церкви Арсений Михайлов Успенский в отношении присланных вверенную мне городскую полицию изъяснил, что 28 числа того же месяца неизвестно чей человек по имени себя объявивший то Ермилом то Федотом во время священнослужения в упомянутой церкви непонятно зачем зашел в Алтарь, а затем церковного старосту ругал непристойными словами и палкой своей намеренно расшиб светильник. (...) Расследование данного дела имело быть в непродолжительном времени и отослано на законное рассмотрение и определения в Крапивенский уездный суд. Крапивенский уездный исправник». (*Подпись исправника неразборчива.— Авт.*)

Надо полагать, что за умелые и оперативные действия при раскрытии этого особо опасного преступления, Тульский губернатор поощрил всех крапивенских полицейских, а Тульское управление духовных дел... впрочем, это уже совершенно другая история.

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

ДВЕ ВОЙНЫ — ОДНА ВИНТОВКА

Рассказ в двух временных пластах

Родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), жил в Риге, закончил русское отделение журналистики Латвийского госуниверситета, в Израиле с 1978 года. Главный редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний калейдоскоп», член израильских и международных союзов писателей, журналистов художников, входит в редколлегии журналов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается» (Израиль) и «Приокские зори» (Россия).

Автор 18 книг, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству, обладатель Гран-при и 13 медалей международных выставок в США, Франции, Австралии. Печатается в журналах России, США, Израйля, Германии, Франции, Канады, Австралии, Латвии, Дании, Финляндии, Украины, Молдовы и других стран, переводится на иностранные языки. Среди литературных премий — Бунинская, серебряная медаль, Москва, 2008, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007, «Золотое перо Руси», золотой знак, Москва, 2005 и золотая медаль на постаменте с надписью «Лучшему автору», 2010, «Петербург. Возрождение мечты, 2003». В 2012 году стал лауреатом (малая золотая медаль) 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков и дипломантом 4-го международного конкурса имени Алексея Толстого. В 2014 году на Международном конкурсе журналистики «Неизвестная Россия» стал победителем в номинации «Мастерство» и занял 1 место на международном конкурсе имени Лаврентия Загоскина «Вслед за путеводной звездой» в номинации «Проза», проводимом Русским географическим обществом.

1

— Адрес запомнил? Я тебя спрашиваю, Гриша Кобрин! Адрес запомнил? — настойчиво повторил старшина Ханьков.

— Запомнил.

— Учти, я на тебя надеюсь, хоть ты еще совсем пацан. Напоминаю, моя винтовка — лучшая прицельная винтовка 1941 года. На майских снайперских учениях 1941 года выбила 99 очков из 100.

— Приташу, не волнуйтесь!

— Нет-нет, именно потому, что волнуюсь, я даю тебе прикрытие. Юрий Чучельский пойдет с тобой до опушки леса, а дальше, в Пружанах, ты своим ходом. Только не высовывайся там. Внешность у тебя...

— Что?

— Как тебе объяснить? Немцы подозрительны на твою внешность... Понимаешь?

— Не понимаю.

— Словом, так: не высовывайся! И выполняй задание, как приказано.

— Будет сделано. Винтовку разберу на части, спрячу в мешок с картошкой и притащу. Семью вашу проведу. Доложу: так, мол, и так, прорываемся к своим. Встретимся после победы.

— Голубчик, так и передай — «после победы».

Тень легла на изможденное лицо старшины. Уже два месяца бредут они по лесу, и что ни день — новая неопределенность. Куда податься? Ни фронта, ни партизан. Тьма сознания! А мальчишкам — что? Сдать бы их под пригляд матери и жены, живущих в этих местах, но до них самостоятельным шагом не дойти. Приходится пацанов посылать на проверку: живы ли, здоровы? А им, сумасбродам, бой подавай. Как же, снайперы! Пусть метки они, пусть сверхметки... Но разве бросишь их в огонь? А как пройти меж огня — к своим, и не угодить в полымя? Это еще та география! На штабных учениях не изучена, на маневрах не опробована. Постигай все на своих ошибках. Но тут война, на ошибках не поучишься, каждая — последняя, как у сапера.

— Иди, солдат,— с тяжелым вздохом сказал старшина Ханьков и отдал Грише честь.

Гриша тоже вскинул руку к козырьку фуражки.

— Есть!

Пружаны — городок, знаменитый стрелковым полигоном, где проходили соревнования на первенство Белоруссии по пулевой стрельбе среди школьников, внешне не очень изменился. Некоторые дома, правда, разрушены прямым попаданием бомбы, пара улиц — в рытвинах и ухабах, со следами танковых траков.

Номерные таблички на фасадах домов вели мальчишку к Анастасии Сергеевне и Евгению Никитичне — матери и жене старшины Ханькова. «Уже недолго,— твердил себе Гриша, пряча глаза от проходящих мимо гитлеровцев.— Полста шагов вперед, потом поворот направо и третий дом от угла с небольшим приусадебным участком».

Когда же, наконец, свернул направо, то почувствовал, как по телу прокатился озноб. Третий с краю дом был наполовину разрушен. Кое-где торчали почернелые от огня стропила. Дранка, слетевшая с крыши, усыпала крыльцо.

«Вот так история! Что я скажу Ханькову?»

Говорить ничего не хотелось: ни потом — Ханькову, ни сейчас — самому себе.

Гриша приоткрыл дверь — никого.

Потеряно, шаркая по-стариковски подошвами, прошел в гостиную, усыпанную битым стеклом и спекшимися комками штукатурки.

Напротив, в красном углу, в покореженной, в пятнах копоти рамочке, некогда тщательно отлакированной, заметил свадебный портрет Ханькова.

Старшина ободряюще улыбался, стоя за усевшейся в кресло с букетом цветов на коленях женой. От него, в ладно сидящей армейской форме — кожаные ремни вперекрест, планшетка на боку, усы подкручены по-чапаевски — веяло какой-то былинной силой.

Казалось, он способен взвалить весь этот дом на плечи и унести его, в случае опасности куда подальше, в какое-нибудь укромное место.

Но от дома уже практически ничего не осталось... Война внесла свои коррективы... Нечего было спасать... Впрочем...

Гриша вспомнил, зачем он пришел сюда. Отсчитал третью половицу от окна, выходящего на улицу, поддернул ее финкой, и — открылся тайник. А в нем, как в футляре, лежала снайперская винтовка системы Мосина — трехлинейка, завернутая в парусину.

Гриша проверил затвор: ходит, как миленький. Что ему сделается, когда оружие в надежных руках? Дослал патрон в ствол. Осторожно приподнялся над подоконником.

Выбитая рама. Открытое пространство. Слева, через дорогу, метрах в семи, киоск. Рядом два немца с пенными кружками. Один в форме гауптмана, второй в кожаном плаще, в шляпе с высокой тульей.

«Без пива не можете, суки?»

Гриша аккуратно, без малейшего шороха, примостил винтовку на подоконник.

«Это будет для вас последний глоток!»

Навел оптический прицел на офицера: метр шестьдесят ростом, не больше, глаза голубые, волосы русые, нос маленько помят, как у боксера. Его собеседник был повыше ростом, шире в плечах, с родинкой под левым глазом.

«Вот сейчас мы тебя и научим мигать на этот глаз!» — злорадно подумал Гриша: очень уж ему не понравилась родинка. Чем? Кто растолкует — чем? Не понравилась, и все тут: «Мужчины не должны носить родинки не лице — женское это дело!»

Немцы чокнулись пузатыми кружками.

— Гауптман Кайзер!

— Герр Трайгер!

«Молитесь своему Богу!» — зло прошептал Гриша.

Но в тот момент, когда указательный палец снайпера лег на спусковой крючок, в его уши проскользнуло заветное, словно выкраденное из детства: «Зайтн гизунд!»

«Евреи? — опешил Гриша.— Какие евреи? Откуда? И по-немецки «зайтн гизунд» — это, наверно, «зайтн гизунд» — будь здоров! А если — нет?»

Гриша внезапно ощутил какую-то потливую слабость и незаметно для себя самого отошел от ненависти. Ему расхотелось стрелять. Ему хотелось слушать. Слушать чужую речь. Слушать этих немцев, выглядевших, как немцы, но говорящих на идиш. Или это он ослышался? Но говорили, говорили, и он слышал. «Зайтн гизунд!» — слышал собственными ушами. И еще его ухо выловило... Что? Вот что!

Трайгер — гауптману Кайзеру: «Аклеинере ингеле» — «Маленький мальчик».

Гауптман Кайзер — Трайгеру: «Их вейс?» — «Я знаю?»

Что-то еще было на идиш. Но что? Вроде бы совсем фантастическое: «При переходе через фронт, передай нашим, что «Красная капелла» внедрила своего человека в ставку Гитлера, ждем подробной информации о плане «Барбаросса».

Гриша напряг слух. Но больше не удалось ничего различить. Расстояние. Небольшое — семь метров, но все же расстояние. Оно замыкает слова. Но не память. Имена странных немцев Гриша запомнил. Казалось, на всю жизнь. Герр Трайгер и гауптман Кайзер. Он опять напряг слух. Но какой-то посторонний звук, похожий на шмелиное жужжание, задрожал в воздухе, и вмиг разогнал всех по домам.

«Самолет!» — понял мальчик. И еще он понял: сейчас — самое время проскользнуть к лесу, вряд ли кому попадешься на глаза. Не став даже разбирать винтовку, он замотал ее в одеяло, взятое с кровати, и кинулся к лесу, сопровождаемый эхом от разрыва бомб у железнодорожной станции.

Юрчик встретил его, где и уговорились, в яру под тремя сосенками, сбжавшимися к обрыву.

— Гляди, что делает! — восхищенно показывал он на языки пламени, взметнувшиеся у разъезда, — Видать, эшелон с боеприпасами гробанул! Наша машина — «ДБ-3Ф».

— Откуда знаешь?

— У меня на их звук ухо натаскано. Мой батяня служил на таком же.

Юрчик запрокинул голову к небу, отодвинув в затылок автомат, и из-под козырька ладони всматривался, щурясь, туда, откуда поднимались цветные сполохи. Серая точка, издающая ровное жужжание, увеличивалась в размерах, обретала сигарообразное очертание, размашистые крылья.

— Никакого прикрытия! — сказал Гриша, высвобождая трехлинейку из свертка.
— А ему никакого прикрытия и не требуется! — запальчиво отозвался Юрчик.—
У него знаешь какие пулеметы — артиллерия!
— А скорость?
— Ладно тебе! — махнул рукой Юрчик.— Накличешь!
И, видно, накликал.
— Мессеры!

Вынырнув из-за мохнатого облака, три немецких истребителя, раскрашенные в камуфляжные цвета, с крестами по центру фюзеляжа, догонисто пошли на перехват тихоходного бомбардировщика дальнего действия. Он заложил крутой вираж и попытался оторваться на безопасную дистанцию. Но не вышло. Огненные трассы прочертили воздух, прошли впритирку с кабиной летчика. Самолет задымил, стал терять высоту.

«Все! Конец! — поняли ребята.— Прыгать надо!»

Юрчик сорвал с плеча «Шмайсер». Присел, упер локти в колени. И, взяв на прицел ведущий «Мессер», дал очередь.

— Не переводи патроны! — разозлился Гриша.

— Молчи!

Юрчик был на пределе. В нем на какое-то мгновение возникло ощущение, что за штурвалом падающего ТБ-3Ф он различил собственного отца. И потому, спасая его, он стрелял по «Мессерам», стрелял, стрелял, страшно ощерив рот, пока автомат не заглох и отражатель выбросил последнюю гильзу. Лишь теперь, когда магазин «шмайсера» опустел, и горка отстрелянных патронов испускала легкий дымок, он осознал всю пустоту и глупость затеянной им пальбы.

— Только внимание привлечешь,— жестко сказал Гриша.

— Молчи! Там, может быть, мой папа погибает!

Юрчик со злобой пнул подвернувшегося нектати под ноги ежа, бросил бесполезный автомат на землю. И рухнул следом за ним. Уткнул глаза в мокрый мох, закрыл ладонями уши, чтобы не видеть и не слышать того, что сейчас должно было произойти. Губы его почти беззвучно шептали:

— Прыгайте! Прыгайте!

И будто на зов его голоса, прямо над головой, отделились от бомбардировщика три темных комочка, заскользили с возрастающей силой падения вниз, высветились белыми куполами и упруго зависли в совсем низком уже небе, где-то на уровне ста метров от верхушек сосен.

— Юрчик! Теперь порядок! Идем встречать! — сказал Гриша, беря винтовку под мышку.

Но вражеских самолетов, очевидно, такой «порядок» не устраивал. Они развернулись, вновь легли на боевой курс, и понеслись на беззащитных парашютистов.

Под плоскостями «Мессеров» запульсировали огненные точки. Два шелковых купола вспыхнули, охватили, словно коконом, тела летчиков, и с ускорением бросили их на дно глубокого яра.

Третий парашютист благополучно разминулся с трассой крупнокалиберного пулемета, и плавно приближался к земле. Пятьдесят метров! Тридцать! Двадцать! Еще чуть-чуть, и — здравствуй жизнь!

Однако ас люфтваффе вновь развернулся на боевой курс.

Почти касаясь крыльями верхушек деревьев, металлический стервятник пошел на сближение с беспомощной жертвой.

Охотник на человека нажал на гашетку.

— Мимо! Мимо! Есть попадание!

Восторженное — «есть попадание!» — было последним, что довелось произнести и услышать немецкому майору, сидящему за штурвалом истребителя.

Своей пули не слышат.

Своей смерти не видят.

Гриша опустил ствол оружия.

Протер тыльной стороной кисти заслезившиеся глаза.

И сказал:

— Прав Ханыков. Самая прицельная винтовка 1941 года. Я с ней теперь не расстанусь.

2

Николай проснулся от пронзительного визга. Мара? Да, кричала Мара. Но не у него под рукой, а метрах в ста пятидесяти, у въездных ворот.

Заполоненно он соскочил с кровати, подушку — в сторону, давай форменку натягивать. И, чертыхаясь, подумал: «По тревоге сапоги — правильное, раз — и в обувке. Бери винтовку и вперед! А с этими ботинками намучаешься, пока зашнуруешь».

Но не босым ведь бежать по разрыв-траве, колючкой поросшей.

Женские крики перемежались русскими ругательствами, не на родном для них языке, с акцентом, но без должной выразительности.

— Деньги давай!

По голосу, машинально определил Николай, — это Ахмед, тот, кто хватанул от него по зубарикам на Гришиной квартире за рэкетирские замашки. Считает, паразит, что никакого Израиля не существует, поселение, мол, находится на палестинской земле, и за это надо платить, в особенности русским, понаехавшим сюда от своих белых медведей, что гуляют по Невскому проспекту.

— Деньги давай!

А это братан его — Юсуф.

— Какие деньги, зараза?

А это? Это Изя Майер, свой человек, охранник поселения! Действительно, откуда ему знать про деньги: не всех же вводить в курс рэкетирских запросов местной палестинской мафии. Впрочем, зря позабыл его проинформировать. Как бы дров не наломал?

И сразу же прозвучал выстрел.

«Узи!» — определил Николай, выбегая из домика. Прислушался: ни стонов, ни воплей раненого зверя.

Точное соблюдение инструкций. Сначала выстрел в воздух, потом на поражение. Но второго выстрела не последовало. Послышался хлопок гранаты, и осколки с противным свистом пронеслись мимо уха.

«Черт!» — выругался Николай, вытер пот со лба, повернул кепи козырьком назад, для удобства во время стрельбы, взвел затвор.

На плацу, возле сторожевой будки и ворот в израильское поселение, вырисовывалась довольно занятная, если отбросить страхи, картина американских боевиков.

«Забавно! — подумал Николай. — И пистолет прячут за сливной бачок, как в фильме «Крестный отец». И в заложники берут, точь-в-точь по сценарию фильма «Смерть в подвале». Своих мозгов нет? Впрочем, если и есть, то их им высыплет Гриша Кобрин, старейший снайпер земли израильской, взявший винтовку в руки совсем пацаном, еще на войне с немцами. Кстати, где он?»

Не высовываясь из-за будки, изрешеченной осколками, Николай повернул голову к казарменному кубарю. И заметил Гришу с Юрчиком — они занимали снайперскую позицию у каменного бруствера на крыше.

«Что же теперь? Пуля вылетит — и ага!»

Помахал Грише солдатским кепи, подавая знак: «внимание», но не сунул его под погон, что означало бы разрешение на открытие огня. Надо было прежде разобраться с обстановкой.

Обстановка складывалась в общем-то нормально, если, конечно, позабыть о неучтенной при разработке плана гранате. Оказалось, припрятана она была у старика Ахдаллы, пропущенного на работу в поселение.

«Стариков запрещается обыскивать! — совсем некстати пронеслось в уме. — Очень гуманно, пока не выпустят тебе кишки. Все они на словах старые, немощные, ничего не видят, ничего не слышат. У каждого — больные ноги, больные руки, им тяжело добираться до родной деревни. Ицик прав: сейчас никого нельзя оставлять на ночь за нашей колючкой. Война! Гони всех на их территорию!»

Граната никого не ранила, разорвалась в будке, выбила окно, посекала на пристеночке глиняные фигурки местных умельцев. Но — что удивительно — не задела осколками миниатюрный радиоприемник Юрчика, висевший там же, на шнурке.

Транзистор, как ни в чем не бывало, анонсировал радиопередачу «Из Ливана, с оказией» по рассказу Ефима Гаммера, напечатанному 13 марта 2012 года в литературной газете в Москве. Она должна была выйти в эфир через три минуты по окончании рекламных сообщений.

«Мой материал, — отозвалось в Николае, и с какой-то грустью подумалось: — Надо бы позвонить в Кирьят-Гат, предупредить маму Моисея — посмертный рассказ о ее сыне».

Но как позвонить? Как предупредить?

Стационарный телефон приведен террористами в негодность, эбонитовое покрытие в дырках, трубка расщеплена. На связь с городом, а тем более с военной комендатурой рассчитывать не приходится.

Впрочем, если честно, эта связь сейчас только помешать может. Первое распоряжение из комендатуры — ясно и без звонка: не принимать никаких решительных действий против захватчиков. Ждать приезда парламентария. Он вступит в переговоры и выяснит условия, на каких террористы согласны обменять заложника.

Велика тайна! Условия понятны и без переговоров. Поначалу — десять тысяч баксов. А если в ответ на вымогательство откажешься платить, тогда... Вот тогда закрутят «политику»: заложника — в обмен на всех наших братьев, страдающих в Израильских тюрьмах.

А страдают за что? За то, что попались, когда шли убивать (или уже убили) безоружных евреев. Либо за воровство, угон автомашин. Мало ли за что? Кодекс вменяемый, на всех подберет статьи закона.

Николай положил ствол винтовки на основание посеченной осколками оконной рамы и сквозь дверной проем — напротив — взял на мушку Ахмеда: усики, витая шевелюра, глаза с поволокой, а в них томление вселенского масштаба. Это томление, впрочем, отнюдь не мешает левой его руке покоиться на горле Мары. В правой — «Макаров», приставленный к ее виску. Рядом Юсуф и Ахдалла наизготовку с ножами для забивания скота.

— Деньги давай! — повторил Ахмед. — Деньги или ее жизнь!

— У меня минус в банке! — вразумительно разъяснял бандитам свою финансовую несостоятельность Изя, так и не врубившийся в ситуацию.

— Зови на разговор Ури! А то поздно будет! — угрожающе помахал ножом Юсуф.

— Ребята, не шалите! На два ваших ножа у меня припасена одна очередь.

— А на пистолет? — вызывающе улыбнулся Ахмед.

— Пуст твой пистолет, как и твоя башка! — бухнул Изя.

— Ха!

— Он правду говорит, балда кудлатая! — послышалось со стороны.

Ахмед повернул голову на Ицика, скорым шагом приближающегося к нему. И мгновенно перевел «пушку» на бывшего милицейского следователя, чтобы не зарывался, помнил свое место в «раскадровке» ситуации, и остановился, как это происходит по воле режиссера, метрах в пяти от пули.

Ицик остановился. В пяти метрах от пули, которой, как понимал, в наличии нет.

Террорист снова притер ствол к виску Мары, уже не дергающейся, а спокойно ожидающей развязки этой, совершенно идиотской в своей неправдоподобности истории.

Ей тоже было непонятно требование грабителей. «Деньги! Какие деньги? Наличных нет даже в поселковой кассе. А чеки? Ни один банк не обналичит этим разбойникам с малой проселочной дороги чеки, выписанные за оплату воды и электричества».

— Десять тысяч баксов! Или будет пролита кровь! Мы ждем! — давил на басы Ахмед.

— Никто вам не заплатит ни агоры!

— Заплатите! Даю на размышление две минуты! Потом — смерть!

Ицик, в соответствии с ходом мысли советского оперативника, располагал безотказным средством для обезоруживания и добровольной сдачи в плен не слишком изворотливого на бандитские выкрутасы противника.

— У тебя нет патронов, балда! Не веришь? Вот! — вытащил изъятую обойму и показал ее, держа в горсти. Ночью мы обнаружили этот пистолет за сливным бачком и вынули патроны. А пистолет оставили — для приманки. Иначе вас в суд не потащишь — без пистолета».

— Ха! — повторил Ахмед. — Минута! Потом — смерть!

Ицик непроизвольно, подчиненный приливу злости, сдвинул пальцы в кулак, и... Большой палец податливо ушел вовнутрь обоймы. Нет, не наполовину, не на треть — всего на мизинец. Но и этого хватило, чтобы его лицо, секунду назад источающее уверенность и превосходство, как бы потеряло самое себя, осунулось, побледнело, и, более того, приобрело какой-то «могильный» серый оттенок.

«Один патрон был в стволе! — с той же внезапностью осознал Николай. — Как же Ицик не проверил затвор, когда вынимал обойму? А еще бывший следователь!»

— Время пошло! — злорадно, в точности с титрами из какого-то вестерна, оповестил Ахмед. — Тридцать секунд! И — смерть.

Он опять приставил пистолет к виску Мары.

Николай оглянулся на крышу, снял кепи, предупредительно помахал им, сложил пополам, и спрятал под погон.

Выстрела он не слышал. «Глушитель!» Но результаты снайперской работы увидел тут же.

Ахмед свалился ничком, не успев схватиться за простреленный лоб.

Мара кинулась за будку, спасаясь от ножей.

Ножи кинулись за ней вдогонку.

Но их опередили пули из израильского автомата «узи».

В бывшем конвоире советских зеков младшем сержанте охранных войск товарище Изе Майере сработало вбитое в него кирзовым сапогом правило: «Шаг в сторону считается за побег». И он открыл огонь на поражение.

Гриша Кобрин с усмешкой подумал о том, что и он, старик, все еще пригоден для войны, как и его трехлинейка системы Мосина. Он передернул затвор «лучшей прицельной винтовки 1941 года», которая, по словам старшины Ханыкова, на предвоенных снайперских учениях выбила 99 очка из 100, а в его руках угробила больше сотни гитлеровцев. И взял в перекрестие прицела еще одного террориста.

Людмила Авдеева
(г. Москва)

ИСТОРИЯ ИСЧЕЗНУВШЕГО ГОСУДАРСТВА

Член Союза писателей России, Международной федерации журналистов, Международного Литфонда, Российского Союза ветеранов Афганистана. Занимается научной, педагогической, литературной и общественной деятельностью. Автор более 30 книг. Лауреат Международных отечественных и зарубежных литературных фестивалей и конкурсов (им. Ким Ир Сена — КНДР, им. Назыма Хикмета — Турция, «Диалога культур» — ИРИ, Золотой медали «Дивное слово» — Болгария, «Золотая Ника» — Россия, статуэтка «Александр Македонский» — Греция, «Почетный диплом» Всемирной Федерации непальской литературы — Непал), знаки отличия Центра афганской диаспоры, Московского Фонда культуры и других организаций. Награждена медалями, дипломами, грантами.

Все это произошло десятки столетий назад в одном очень древнем государстве, название которого не сохранили даже летописи. История эта передавалась из века в век, из уст в уста, из поколения к поколению, а я узнала ее от одного современного восточного мудреца.

Рассказ об этой древней безымянной стране удивил меня тем, что, хотя и был похож на сказку или притчу, но при этом многое напоминало день сегодняшний. Так, в исчезнувшем государстве была выборная система власти, процветала «культура воровства», разрушение было объявлено началом строительства, медь продавалась по цене золота, и происходило немало чего другого, не менее интересного, познавательного и странного.

Конечно, этот рассказ не прибавит исторических или географических знаний, ведь забыты как имена правителей, так и точное местонахождение и самой страны, и государства, покорившего ее, но назидательный урок из чужого далекого опыта извлечь можно.

Итак. В очень-очень далекие времена в стране, где были бескрайние земельные просторы, несметные природные богатства, многочисленное население, трудолюбивый народ, расцветали всевозможные ремесла, умирал старый царь. Обычно цари имеют громкие имена, которые им дает ближайшее окружение или прозвища, которыми их наделяет народ. Были в Истории цари, которых называли Великий, Блестящий, Справедливый, Грозный, Великолепный, Правильный, Добродетельный, Львиное Сердце, Ясное Солнышко. Были и с такими прозвищами, как Алчный, Косоротый, Меченый, Беспалый, Лысый и прочие. Конечно, и у царя исчезнувшей страны было имя, но оно нам неизвестно, а вот, судя по всему, жизнь в государстве, хоть и не была идеальной, но народ жил в мире, не воевал, не голодал, имел время и для работы, и для отдыха.

Лежа на смертном одре, думал царь, как сохранить целостность государства и в тоже время разделить наследство между сыновьями, чтобы никого не обидеть. Это в русских сказках «у царя три сына», а у царя той безымянной страны сыновей было больше двадцати и все любимые. Отдашь власть старшему, остальные никогда управлять не научатся, да еще рассорятся. Вот и придумал царь, пусть сам народ выбирает одного из сыновей на царство, а чтобы все было достойно и честно, надо ограничить срок правления двумя годами. А там народ снова сам решит, оставлять еще на срок этого правителя или другого избрать. Так же царь предложил выбирать советников и министров.

И вот огласил царь свой указ. Народ, конечно, возрадовался, что получил право выбора, да и сыновья ничего против не имели, тем более, что и у неизбранных неплохие перспективы. Им предстояло в разных районах государства, куда их выбранный брат пошлет, порядок наводить, благосостояние народное поднимать. Правда, когда в соседних странах стала известна программа умирающего царя об участии народа в выборе власти, то сначала многие очень удивились, но, поразмыслив, поняли, что все равно власть остается в одной династии и восхитились мудростью царя.

Сразу же, как старый царь покинул бранный мир, люди стали обсуждать кандидатуры наследников. Так как опыта выборов и голосования еще не было, то народ раскололся на группы, симпатизирующие разным наследникам, хотя никого из них хорошо даже в лицо не знали, имена путали, да и обещания у всех братьев тоже были похожие, как близнецы. Но в день выборов все собрались на площади перед дворцом, братья-наследники уселись в ряд, поставили перед собой деревянные короба, а жители шли и бросали маленькие камешки тому кандидату, которого хотели видеть на престоле. Избрали того брата, у кого камешков оказалось больше. Такова была первая процедура голосования, и она действительно была честная, без плутовства, подтасовок, без жульничества и подкупа избирателей. Получив власть, избранный брат собрал всех остальных братьев на совещание. О чем у них там шла речь неизвестно, но они в течение ночи разделили государство на части и впервые поссорились, споря, кому куда ехать править. Оставшись один, новый царь задумался: «Два года правления это слишком мало. А на второй срок могут и не избрать. Придется усиленно потрудиться, чтобы обогатиться, как следует. Надо набрать за этот срок столько богатства, чтобы хватило на всю жизнь».

А остальные братья, опомнившись от пережитого шока, что не их народ избрал, стали собирать на брата-царя компромат, вспоминать его слабости, личные семейные секреты, а через месяц сообщая обвинили его в мошенничестве. Не исключено, что и их отец проедал вместе с ними народное добро, но делал это медленно, незаметно, а новый царь действительно в раж вошел так, что жители и сами видели злоупотребления и, потребовав досрочные выборы, избрали другого брата. Но и со вторым, и с третьим правителем история повторилась. Все они брали мзду, любили дорогие подарки и приношения, и в народе пропал прежний энтузиазм и надежда, что жить станет лучше, жить станет веселее, что благосостояние улучшится. А наследники не на жизнь, а на смерть начали борьбу за власть, раздавая бесплатные лепешки в провинциях в обмен на камушки-голоса.

Но неожиданно к началу следующих выборов появился самовыдвиженец, вернее тоже какой-то родственник старого царя, а может, даже побочный сын, ведь первый царь часто выезжал в чужие государства. Народ, глядя на самовыдвиженца, посмеивался, уверенный, что за него никто голосовать не станет, а сыновья так вообще его за конкурента не считали. Действительно, был он невзрачный, картавый, пьянящим зельем злоупотреблял, некоторые даже говорили о его слабоумии. Но часть людей решила, в отместку прежним правителям, отдать свой голос, то есть свой камешек, за этого прищельца, уверенная, что больше за него никто голосовать не станет. Другие

решили свой голос ему отдать, чтобы голоса у других нежелательных кандидатов оттянуть. Третьи думали, чем черт не шутит. Если выберут, то по своему слабоумию новый правитель не додумается до реформ по дальнейшему ограблению народа, а из-за физической слабости войн не будет затевать. И что же? Этот претендент на власть и сел на престол к всеобщему удивлению. И сразу как-то ростом выше стал и держал себя так уверенно и высокомерно, будто заранее знал, что престол будет его при любом раскладе.

Отсюда и начинается самое интересное и странное одновременно.

Имени нового правителя тоже никто не может вспомнить, да и зачем. В истории столько дат, информации и тех же имен, заучивание которых бесполезно. И так в архивах нашей памяти масса ненужной бессмысленной информации. Но, чтобы легче было вести рассказ, назовем его не царь, а монарх. Взойдя на престол, он своим верным людям, приглашенным из другой страны советникам, откровенно сказал, что пришел к власти не для того, чтобы довольствоваться малым. Уже в первый день своего правления он объявил об обновлении государственной политики, и доверенные лица стали подобоострастно называть его основателем нового стиля управления государством, в котором главный тезис «**Люди привыкнут**». И действительно первое время реформы, программы, законы, указы вызывали у населения шок, протест, удивление, но потом люди стали привыкать к непредсказуемым действиям правителя.

Монарх был человек малообразованный, в науках познаниями не блистал, и назначал на самые высокие посты еще более невежественных, чем он, не владевших элементарными знаниями. Высший армейский пост получил толстяк, никогда не державший оружия в руках, а занимавшийся ранее выращиванием сладкой клюквы. Еще он терпеть не мог заниматься прополкой сорняков. Может быть, поэтому и предложил он засеять все приграничные территории колючей крапивой, объявив ее необходимой составляющей для обороны от возможных врагов. Верховный суд возглавил одноглазый водовоз. Кстати, он получил такую высокую должность за то, что предложил бесплатное использование воды из рек сделать нормированным, а дополнительную кружку с водой выдавать за дополнительную плату, что и было незамедлительно сделано. А отдел культуры возглавил сын торговца, молодой выскочка, делавший в каждом слове не менее двух ошибок, но проявивший себя в государственной программе «**Против науки и знаний**», рассказ о которой ниже.

Первоочередной задачей монарха и его нового окружения стала постоянная критика правления предыдущих правителей и в первую очередь старого царя, которого люди все чаще вспоминали добрым словом. Была создана большая группа просветителей-летописцев, которые с утра до ночи и с ночи до рассвета писали и рассказывали о тирании и притеснениях в былые времена. Эти полуграмотные люди профессионально владели набором ругательств, за что отмечались знаками отличия.

Непредсказуемыми были и проводимые реформы. Так, в этом государстве люди испокон веков сами выращивали корма для своего скота, и теперь они продолжали выращивать корм сами, но должны были, вырастив его, сдать государству, а потом выкупать, выращенное своими руками. Создание «частного сектора», видимо, тоже принадлежит монарху-самовыдвиженцу. Жители так же, как и прежде, имели право заниматься торговлей и ремеслами, но теперь для этого надо было получить массу разрешений у царского окружения и самого монарха и заплатить за них немалые средства. Так же был создан государственный орган, препятствующий людям в осуществлении их планов. Один из советников предложил ввести правило, что прежде чем получить разрешение ремесленник должен обойти пешком несколько десятков городских районов, оплатить пользование дорогой и по пути проверить, будут ли покупать его изделия в этих районах, что также надо было оплатить. В результате принятия этих законов отчисления в казну возросли, что увеличивало не столько до-

ход самого государства, сколько монарха и его семейства, которое объявилось вскоре после избрания на трон. Семейство было немалое — жена, дочери, зятя, внуки и внучки. Чтобы было поменьше наблюдателей, как идет распределение доходов, монарх издал указы, чтобы на эти должности назначались слабовидящие люди, либо владеющие искусством не видеть, как грабят казну. При грабеже государственных доходов эти люди и себя не забывали, а в оправдание им ходила по стране притча, о слепом и зрячем, которые ели из одной тарелки. Слепой сначала брал понемногу, затем стал хватать пищу горстями. На замечание зрячего невинно ответил: «Я же не вижу, сколько ты берешь. Может, ты сам хватаешь двумя горстями и мне ничего не оставишь».

Искусство не видеть стало процветать, так как давало все блага и многие добровольно стали закапывать в глаза капли, затуманивавшие ум и зрение и получали высокие должности за то, что не замечали, как вокруг жульничают, мошенничают, обманывают, воруют.

Те жители страны, что поумнее, уже в первые месяцы правления нового монарха стали понимать, что их ждет ужасная трагедия. Одни ученые люди, которые в отместку прежним правителям, проголосовали за нового монарха, страдали угрызениями совести, но не теряли надежду, что власть, основанная на невежестве, скоро падет. И будут новые честные выборы и надо потерпеть, не доводя до разногласий, которые могут привести к кровопролитию. Другие ученые люди, видя, что происходит в государстве, каких невежд назначают на высокие посты, стали уезжать в другие страны и продавать свои знания другим государствам. Третьи, молча, продолжали заниматься своими делами. Четвертые вступили в оппозицию, чтобы заставить одуматься тех, кто занимал высокие придворные посты, министров и советников. Но вокруг монарха сплотились те, кто ради приумножения собственных богатств и высоких постов был готов на любую подлость. Все, кто приобретал хоть самую малую власть, заболели страшной болезнью — алчностью. Люди у власти хотели владеть тем, что им не принадлежало. Для оправдания воровства была разработана программа **«Культура воровства и Искусство лгать»**. Был выдвинут тезис: **«Воровство непристойно, но необходимо для укрепления положения»**. Не было только сказано, о чем положении шла речь. Идея специальной программы «Культура воровства» полностью принадлежала монарху. Монарх как-то подумал, раз еще он не упразднил культуру вообще и в государстве много мастеров, делающих произведения искусства из камня, дерева, глины, соломы, железа, бронзы, почему не может быть Культуры или Искусства воровства, деланья имущества, богатства, денег. Так и появилась государственная программа с пособиями и курсами лекций для начинающих, в которых утверждалось, что все люди — лжецы, интриганы, воры. Но, безусловно, есть те, кто не решается на воровство по слабости характера. Но зато нет тех, кто сможет отказаться от приношения.

Высокий уровень культуры воровства заключался в том, чтобы спокойно, уверенно и хладнокровно тратить чужое, как свое. Лучшим временем для воровства объявлялось дневное, рабочее, так как никто не назовет публичное, открытое присвоение чужого воровством. Перед началом операции необходимо было отвлечь внимание окружающих, назвав кого-то вором и переключив на него общественное око, и спокойно приступить к делу. Ночное воровство осуждалось, так как это время суток для слабых и ничтожных, нерешительных людей. Неотъемлемый принцип культуры воровства — справедливое распределение украденного, то есть необходимо поделиться с вышестоящими и, конечно, с правителем, а не прикарманить все себе. Только зная культуру воровства, можно понять и секрет культуры выживания на высокой и любой другой должности. Также занимающие высокие посты обязаны были владеть **«Искусством лгать»**. Ложь — великое искусство. Ложь, произнесен-

ная уверенно, решительно, твердым голосом правдоподобнее правды. Но и это искусство не по силам любому, так как нужен сильный, дерзкий характер. Если только нести в народ ложь, то рано или поздно истина станет очевидна. Высокое искусство лжи — это талант доносить до народа часть правды, умение под нейтральными словами скрывать истину, чтобы прослыть правдивым и честным и заслужить людское доверие, при помощи которого можно повернуть любое дело.

Так как в государстве еще оставались равнодушные, образованные люди, началась **кампания против науки и знаний**. Демонстрировать презрительное отношение к людям науки, искусства, культуры стало нормой. Появились лозунги **«Знания — это нищета»**, **«Избегайте знаний — от них несчастья»**, **«Образование отнимает время от отдыха»**, **«Величайший враг спокойной жизни — знания»**, **«Все проблемы от ученых»**, **«От учености нет удовольствия»**. На совещаниях советников и министров монарх постоянно подчеркивал, что люди делятся на 99 процентов обычных и 1 процент людей, которых называют личности, так как у них есть яркие способности и таланты. И нельзя допускать, чтобы число таких талантливых людей увеличивалось, так как именно такие люди создают проблемы и мешают властвовать. Обычных людей кандидатам на выборах легко привлечь незначительными обещаниями и подарками. Сделать это можно в массовой форме, собрав людей на площадь, раздав сладости или шапочки от солнца. С учеными и культурными личностями надо долго работать, но при этом их голоса, как других, обычных людей имеют одинаковый вес на выборах. Конечно, быстро переделать людей не удастся, — соглашался монарх, — тем более тех, кто успел получить какое образование, знает грамоту и этим гордиться и тех, кому раньше уже внушили, что образование и достижения науки важны для развития государства. Но когда они увидят собственными глазами, что ученые живут в нищете, а у специалистов нет работы, что высокие чины, награды, могущество и богатство у тех, у кого власть, то дело пойдет, как по маслу, и народ будет подчиняться даже полному невежде, если он от него зависит. Поэтому необходимо внушить населению, что знания — это лишнее, а тех образованных, кто уже популярен в народе, надо использовать, так как именно их активность и знания могут обеспечить поддержку власти. Именно они сумеют объяснить большинству населения, что только такая власть им нужна. Монарх постоянно напоминал своему окружению, что в сфере культуры, науки, искусства действуют те же принципы купли — продажи. Советники и доверенные лица использовали все свое мастерство в тонком и щепетильном искусстве втянуть нужных людей в выборный процесс и при этом так выбрать время покупки нужного человека, чтобы не столкнуться с его слишком высокими, завышенными амбициями, самомнением и не переплатить. Они искали и находили рассудительных, которые за разумную плату соглашались поддерживать власть. Стремилась расположить к себе талантливых, находящихся в зените славы певцов, танцоров, поэтов, чтобы не упустить момент, когда их может привлечь оппозиция, и тогда придется платить им тройную цену, хотя уверенности в их преданности не так и много. А уж если находился кто-то из образованных и пытался разъяснять жителям, почему их карманы пусты, и что поругание образования, знаний, науки и культуры самая скорая дорога для гибели государства, то он лишался работы и узнавал вкус нищеты. А уж говорить о том, что не разрушение, а постоянное строительство — свидетельство крепости власти, вообще было преступно, так как в государстве вступил в силу закон, основной тезис которого **«Разрушение — начало строительства и благосостояния»**. Родился этот закон из банального происшествия, когда новый монарх споткнулся во время прогулки в лесу об пень. **«Все должно быть ровно. Не единого препятствия во всем государстве»**, — было записано в тот же день в судьбоносном законе, положившим начало эре разрушения и развала. Сначала вырубали все деревья, затем уничтожили все, что имело какую-то высоту над уровнем

земли. Убрали все постройки и жилье простых людей, конечно, оставив дворец монарха и роскошные особняки советников и придворных, выделив каждому сопровождающего, который должен был идти на шаг впереди, проверяя, насколько земля ровная, чтобы слуга народа не оступился. Конечно, содержать этих служак должны были простые люди из своих средств. Почему люди не протестовали? А вы забыли, что первый принцип правления монарха: **«Люди привыкнут»**. Вот и привыкли жители этого безымянного государства все принимать молча. Все эти акции по разрушению сопровождались хорошо организованной рекламой.

«Кто больше разрушит, тот больше построит». **«Если можете строить, ломайте»**. **«Разрушение — начало благоустройства»**. **«Развал — начало строительства»**. Официально новое строительство согласно указам и законам могло начаться только после полного и окончательного успешного разрушения всего, что было вокруг. А пока люди должны были радоваться, что просыпаются и засыпают на свежем воздухе, освободились от своих домов и всех забот. Им теперь ничего не надо делать, кроме, как разрушать. Соседние страны согласились обеспечивать их всем необходимым, едой и одеждой, получая взамен золото и нефть.

Но начались холода, и люди стали замерзать. Надо было решать проблему отопления. И тогда монарх издал новый указ, чтобы все срубленные деревья и снесенные ранее деревянные постройки превратить в уголь. Этот указ был объявлен самым справедливым за все государственное правление, так как бедные, малоимущие, инвалиды, многодетные получали свою порцию угля бесплатно. Те же, кому выделенных норм было мало, могли купить дополнительно истлевшие угли за большие деньги. Люди, получившие льготный уголь или имевшие излишки, стали тайно его продавать, чтобы купить что-то необходимое и пережить зиму. Это сразу же стало известно правителю и его советникам, и вышел закон, по которому норма выдачи льготного угля была сокращена. А цены на уголь, продававшийся государством, резко возросли. Зима была в тот год лютая, и всем жителям и богатым, и бедным пришлось покупать уголь по завышенным ценам. Прибыль, конечно же, разделили при дворе, согласно программе **«Культура воровства»**. А весной советники монарха разработали вообще самый хитроумный план, неслыханный по масштабу, которому позавидовал бы любой алхимик. **Программа называлась «Медь — это золото»**. Программа была секретной, поэтому, когда на улицах появились скупщики меди с криками: **«Медь по цене золота»**, то люди сначала не поверили своим ушам. Некоторые шептались, что это новое мошенничество, так как настоящее золото всегда стоило в 50 раз дороже, чем обычная медь, но когда торговцы стали платить, конечно, не в 50, а в пять раз больше реальной стоимости меди наличными, то люди понесли им все свои медные изделия. Некоторые обогащались в одночасье, отдавая скупщикам медные чайники, подносы, ложки и вилки, кастрюли, подсвечники, рамы от зеркал и прочую утварь. Многие, получив деньги, сразу же побежали на медный базар, думая скупить там медные изделия и снова продать их скупщикам. Но медный базар был пуст. Все уже было скуплено, согласно государственной программе. Люди пришли в уныние, что остались вообще без тарелок и вилок, но на следующий день вышел царский указ, что каждая семья может приобрести посуду по числу членов семьи по цене в два раза ниже, чем продала скупщикам. Люди благодарили за такую милость правителя, так как пусть не в пять раз, но все-таки имели прибыль. Но со временем, люди ощутили, что такое ограниченное количество утвари очень неудобно, особенно для тех, кто уже имел жилье и хотел, например, пригласить гостей, а дополнительной посуды не было. Кто-то предложил закупить медь за границей, но новый патриотический указ запретил ввоз меди в любом виде из других стран, но разрешил приобретать медные изделия отечественного производства неограниченно, но теперь в обмен на золото. Медь, сообщалось в указе, приобрела историческую ценность, а золото ее потеряло.

Жители стали сдавать все свои золотые украшения, чтобы получить медный чайник или поднос. Потом эти украшения можно было видеть на женах и дочерях царских советников и министров.

Вообще в этот период правления монарха, жизнь придворных приобрела такой размах обогащения, что многие увлеклись играми, которые называли «**Азартные игры**». Причем и простой народ стал так азартно играть, надеясь на выигрыш, что почти прекратил работать, что насторожило монарха, и хотя азартные игры приносили большой доход, он издал закон об их запрете и наказании распространителей, чем очень удивил свое окружение. Но на все вопросы монарх и его ближайший советник загадочно отвечали: «Еще не время. Все свое время». Люди, правда, тайно продолжали играть в безлюдных местах, либо подкупали проверяющих щедрыми подарками. Но вдруг за несколько месяцев до новых выборов монарх, собрав совет из самых верных подданных, сказал: «Время пришло и надо снова легализовать игры». Кто-то оценил это как ослабление власти, но монарх дал убедительное объяснение своей позиции. Оказалось, что указ о запрете игр не отменялся, а только дополнялся. В нем было сказано, что действительно азартные игры не самое достойное занятие, но в рамках начинающейся программы по развитию досуга населения играть можно, но желательно не в рабочее время. Так монарх опередил конкурентов, которые в своих программах хотели вернуть азартные игры и получить дополнительный шанс на избрание на выборах.

В эти же дни была разработана **программа борьбы с внутренними и внешними врагами**, от которых исходит опасность для государства. Правда, проблема состояла в том, что этих врагов надо было создать. «Настоящий враг — это, конечно, большая опасность, — сказал в своем выступлении монарх, — а вот враг-призрак это очень важно и жизненно полезно». Именно такого врага-призрака можно обвинить во всех просчетах власти, возложить на него вину за невыполнение обязательств. Монарх призвал ближайшее окружение отвлекать внимание людей на врагов, так как только в том случае, если народ поверит в существование сильного, опасного, злого врага и в его коварные замыслы, он при необходимости примет участие в трудных и дальних переходах для завоевания чужих земель.

Были разработаны **основные принципы новой предвыборной программы**, которая мало отличалась от прежней, но ей надо было следовать более жестко, чтобы иметь положительные результаты. В программе отмечалось, что люди, население — это стадо, которому нужен пастух. Население будет таким, каким его воспитает власть. Власть ни должна не перед кем отчитываться и ничего объяснять. Простые люди должны быть непрерывно заняты работой, семейными проблемами, домашним хозяйством, добывать свой хлеб в трудах, не иметь свободного времени для размышлений, иначе могут начать качать права, устраивать собрания, а то еще и мятежи. Перед выборами надо громогласно, твердо, убедительно и повсеместно заявлять, что самые невыполнимые обещания будут выполнены, а потом всегда можно найти тысячу причин, почему это сделать не удалось. Простых людей одурачить легко. Если наступает продовольственный кризис, надо постоянно рекламировать полезность голодной диеты и продвигать лозунг: «**Больше спите, экономьте энергию и силы**». И много чего еще было в этой программе. Готовясь к новым выборам, монарх и его окружение действительно работали не покладая рук, разрабатывая принципы, подкрепляющие первый основной: «Люди ко всему привыкнут, будут все воспринимать как должное и даже благодарить, что еще живы».

Но новых выборов в этом государстве не состоялось. История страны, о методах правления в которой рассказал восточный мудрец, закончилась.

Кто-то, наверное, подумал, исходя из известной нам современной истории, что народ все-таки взбунтовался и сверг власть монарха. Нет, в этом государстве у людей уже не было сил и желания для мятежей. У них не было никаких идей и инициатив, а

появилось всеобщее равнодушие, усталость. А когда незащищенное государство оказывается на роковом рубеже нестабильности при несостоятельной власти, упадке науки и культуры, то создается благоприятная почва для нашествий чужеземцев. Так и произошло. Перед воротами этого древнего государства, о котором нет теперь даже напоминаний в летописи, разбили лагерь войска другой страны. Узнав об этом, монарх выступил с речью перед населением, перечислив все свои заслуги и призвав выйти с оружием и заблокировать границы, чтобы враг не проник на территорию страны. Правда, речь его многим показалась какой-то вялой и сонной, что приписали страху перед реальным врагом, а не врагом-призраком. Но последующие события иначе как шокирующими не назовешь. Ни один житель в назначенное время в назначенное место не пришел, так как у народа не было доверия к монарху. На площади собралось два или три советника да торговцы оружием. Даже ближайшее окружение не вышло из своих хором. Естественно, новость молниеносно дошла до лагеря врага, и армия, не пролив ни капли крови, беспрепятственно вошла на территорию страны и сразу же почувствовала себя здесь как дома и даже лучше. Правитель чужого государства, которое было намного меньше захваченного, спокойно занял престол, а жители его страны сразу стали считать эти земли своими и получили разрешение жить в двух государствах по собственному выбору в любое удобное для них время (так родилось, наверное, двойное гражданство). Кстати и с народом захваченной страны заключили соглашение о мире.

Хотите знать судьбу бывшего монарха? Здесь тоже нас ждут непредвиденные неожиданности. Обычно, согласно современной, известной нам истории, угнетатели получали по заслугам от собственного народа. Да и победитель мог казнить бывшего монарха, но так как передача владений прошла мирно, то он сохранил жизнь монарха, чем завоевал добрую репутацию. Побежденного правителя перевезли в государство победителей и там до конца своих дней он жил в достатке, даже роскоши в просторном дворце и наслаждался жизнью. С чего бы ему так повезло? А ларчик открывался просто. Весь секрет оказался в том, что монарх забытого ныне государства был исполнителем политики страны завоевателя, и из этой страны был прислан для участия в выборах под видом родственника первого царя. Он отлично исполнил возложенную на него задачу по уничтожению, растлению и развалу процветавшей некогда могучей страны, которая была лакомым кусочком с ее несметными богатствами, большой территорией, всевозможными ремеслами, многочисленным народом. Все награбленное монарх направлял в страну-завоевательницу, чтобы потом жить на эти средства в свое удовольствие. Вот такая печально-трагическая сказка, притча или действительность, но интересно, что на протяжении долгих веков, узнавая историю этого безымянного государства, правители одних стран брали на вооружение многие политические принципы, методы, планы, программы монарха, эксплуатируя и унижая свои народы. Другие делали выводы из услышанной истории, понимая, что твердой и прочной может быть только та власть, которая уважает свой народ и проявляет о нем заботу. Умные правители, давали согражданам права на жилье, труд, образование, веру, участие в управлении страной и многое другое, разъясняли свои действия, старались проводить реформы в интересах народа. Может быть, и в наше непредсказуемое время, узнав печальную историю исчезнувшего древнего государства, те, кто находится у власти, те, кто тратит силы на каждодневные словесные баталии на телевизионном экране, все, кого называют слуги народа, да и сам господин-народ, всерьез задумаются над старой, как мир, проблемой взаимоотношений народа и власти. И тогда, возможно, сбудется мечта об идеальном государстве на нашей планете.

Яков Шафран
(г. Тула)

ИЗ ЖИЗНИ ГОРОДА ЭНСКА

*Все образы собирательны,
все совпадения случайны,
никому не стоит принимать на свой счет...*

Ростислав Ищенко, политолог

ЭНСКИЕ СТРАННОСТИ

Всякое случается в городской жизни — смешное и грустное, хорошее и плохое, порой и приключения бывают, а порой и трагедии, как взрыв бытового газа, например. А давеча зама губернатора за руку поймали — взятки брал, наверное, непомерно и долго, — тоже трагедия для города, ну как же, лицо Энска пострадало, да и попривыкли к нему, молодцеватому заму. Или не трагедия? Может, она была бы, если б не поймали?.. Да, много чего происходит в городской жизни, и от смешного до грустного частенько рукой подать. Вот, казалось бы, творческая среда, писательская — где, как не в ней, быть концентрации доброго, разумного и вечного? — Ан нет, вот, поди ж ты...

Анатолий Михайлович Славский, заместитель главного редактора газеты «Литературный Энск», спустился по лестнице со второго этажа, где располагалась редакция, выбежал на улицу и стал нервно ходить взад и вперед по аллее небольшого, располагавшегося недалеко сквера. Он что-то негромко, размахивая руками, бормотал, рывком снимал белую — от палящего солнца — кепку, резко смахивал пот с блестящей лысины и вновь небрежно водружал головной убор на место. Любой прохожий, — а их было немало, хоть был разгар, выражаясь по старинке, рабочего дня, чем сейчас уже, правда, никого не удивишь, — мог подумать, что человек явно не в себе.

И было от чего! Сегодня утром главный редактор пригласил Анатолия Михайловича к себе и велел остановить верстку кропотливо приготовленных Славским материалов очередного номера газеты.

— Что случилось, Иван Алексеевич?

— Срочно снимай и не спрашивай, Анатолий Михайлович, — ответил Афанасьев.

— Так ведь авторы уже оплатили, то есть пожертвовали... — попытался возразить Славский.

— Не надо мне напоминать, что газета существует благодаря пожертвованиям авторов и печати тиража местным университетом! — сердито прервал его Иван Алексеевич. — Материалы авторов поместим в следующий номер.

— Мг...

— Представляешь, обе писательские организации, и заметь, одновременно пода-

ли свои статьи, каждая на две полосы, представляющие своих новых членов: первая — генерального директора (понимай, хозяина) крупнейшего в губернии газонефтеперегонного завода Игоря Петровича Ухтомского, а вторая — председателя комитета по культуре и образованию Губернской думы Петра Игоревича Комарика, обе с большим портретом, обширной биографией и рассказом. Так что вся газета отдана этим двум, с позволения сказать, письменникам.

— Неужели и рассказы?

— А то! Что слабо Виктору Ивановичу Рогову с Иваном Викторовичем Горовым по такому случаю по рассказу сочинить?

— Думаю, не слабо, — согласился Славский.

— Занимайся, не теряй времени, а то, как бы чего не вышло, номер-то уже через неделю должен выйти! — завершил разговор Иван Алексеевич...

«Эх! — в сердцах подумал, продолжая ходить по скверу, Славский. — Работаете, работаете, а для чего — непонятно. И деньги-то небольшие, с таких не разбогатеешь. Да и разве дензнаки — главное? Тут вот, скажем, пишешь, пишешь или корректируешь, с орфографией и стилистикой измучаешься, а возьмут и пнут тебя с твоей работой, и дело с концом. И никакой тебе компенсации и утешения. А кто-то нашел себе нишу — гавань спокойную — и держится за нее десятки лет всеми пятью точками, не скovyрнешь. Да что там!..» — и махнув рукой, засеменял обратно в редакцию переверстывать номер.

...Читатель уже понял, что в небольшом губернском городе Энске действуют целые две писательские организации: «Писательский союз Энска» и «Союз Энских писателей». Только это еще не все — в городе нет ни единого, более или менее пишущего человека зрелого возраста, кто бы ни был так или иначе связан с одним из союзов. И не мудрено, ведь в самом начале «катастрофы» развернулась целая компания по вербовке как в старый ПСЭ, так и во вновь созданный СЭП (ну, как может один светоч местной литературы пойти в замы к другому?) новых членов. Прямо что-то вроде соревнования было устроено по распродаже, то бишь раздаче за бесценок, членских билетов. Так и разделились поголовно все местные и районные письменники на два лагеря. Да и где и кем определено, что писательская организация, — а они все сейчас общественные, — должна быть одна? Уж их-то теперь, хоть пруд пруди. Собрались три человека, договорились о чем-то — вот она и есть.

Нет, председатели отнюдь не были врагами друг другу. Где-то даже и на приятелей походили. А там кто их разберет? Ведь чужая душа, тем более председательская, — потемки.

...Журналистское любопытство обуяло успокоившегося уже на следующий день Славского, и он, памятуя, что таковые всегда и обо всем, что происходит в коллективе, знают, позвонил своей старой знакомой Светлане — секретарше Рогова. И та — не по телефону, конечно, а в приватной беседе за чашечкой кофе и ее любимым шоколадным тортом «Вдохновение», — не менее вдохновенно поведала о разговоре двух мэтров, состоявшемся накануне.

А разговор (как подслушанный? — не нам с вами, читатель, грех на душу брать, судить) был таков:

— Что ж это такое, Виктор Иванович?

— Ты это о чем, Иван Викторович?

— Забыл наш уговор?

— Какой из них?

— Ну, давний наш...

— Как же забыл? Все помню: договорились все наследие бывшего СП СССР в Энске поровну разделить, — припомнил Виктор Иванович. — Так и поделили ведь: и

комнаты, и телефоны, и библиотеку, и прочее имущество, а также писателей... Правда, они сами разделились, и что удивительно — почти поровну...

— Не только разделить уговор был, но и в дальнейшем делить все по-братски,— разгорячившись, заявил Иван Викторович.

— Да, да, было такое...

— Ну, и?..

— Что и?— заулыбался Виктор Иванович.

— А депутат с директором?

— А... Ну, так это же моя «рыбка», Иван Викторович, так долго ловленная...

— Эх, Виктор Иванович, старых друзей-приятелей забываешь, а ведь договор, понимаешь, дороже денег, да и на них ведь, твоих человечках, все не кончается. И у меня улов, может, больше твоего будет, и я поделюсь, мало ли? А?

— Да, ты прав, старик,— бес попутал, язвы его в корень!

— Ну, не переживай! Давай лучше их поделим.

— Давай! Газонефтяного директора я беру себе, а ты — председателя,— ничтоже сумняшеся, сказал Виктор Иванович.

— Нет уж! Давай, ты — депутата, а я — буржуя! — в пику ему заявил Иван Викторович.

— Какая тебе разница? — спросил Рогов.

— В смысле?— не понял Рогов.— Буржуин при деньгах, а депутат...

— Опомнись, Иван Викторович,— перебил его Виктор Иванович,— хозяин при больших деньгах, и они дают ему соответствующие возможности, это так, а председатель комитета при очень больших возможностях, а это — те же деньги, понимаешь?

— Это то же, что два плюс три и три плюс два все равно будет пять?

— Вот видишь, ты, сочиняя стихи и прозу, все же высшую арифметику-то не забыл.

— Согласен, давай мне комитетчика.— Иван Викторович почесал затылок и сказал: — Через три недели выходит наш «Литературный Эпск», неплохо бы за это время, получив взносы, конечно, далеко не стандартные, и отпраздновав на банкетах, принять их в союзы и дать материалы в газету с большим фото и биографией.

— Правильно мыслишь, Иван Викторович! Но кроме взносов, полагаю, неплохо бы им издать хотя бы по одной нашей книжке в хорошем переплете и с суперобложкой.

— Хорошее предложение! А мы по одному нашему рассказу им отдадим, пусть их, не жалко для таких людей. Как думаешь, Виктор Иванович?

— Да, ты прав.

— Слушай, а скажи мне по совести, зачем им в писатели подаваться, что им это даст? Ведь у них все и даже больше есть. Того же писателя можно на договор посадить — все, что угодно, напишет литературный труженик за соответствующую зарплату.

— Как не понимаешь, Иван Викторович?

— Ну?

— Раньше, при Советах, духовная сфера общественной была, а сейчас она частная. Вот мы с тобой, если бы не были председателями Эпских союзов, книжки свои на собственные денежки издавали. А им удостоверение члена союза нужно: одному — в Москве, на съезде предпринимателей там или еще где, а другому — в Губернской думе, а там, глядишь, обоим и в Госдуме, показать: вот, мол, мы какие — не только в материально-денежно-политической сфере вертимся-крутимся, но и духовные все из себя, пописываем...

— И о вас прописать можем!

— Вот-вот... Кстати мы тут недавно приняли одного директора издательства Энского пединститута. Поэт, сам пишет, между прочим. Ну, думали, теперь все книжки свои и коллективные сборники будем бесплатно издавать — печатать, то бишь... Не тут то было! — Принципиальным оказался. Так мы ему прописали такую коллективную рецензию на его книжку и разместили ее, где только можно, что его теперь вряд ли где напечатают, и отношение в литкругах будет соответственное...

— Правильно сделали, нечего тут!

— Но вернемся к нашим пегасикам... Так что, согласен?

— Согласен, давай депутата, по рукам!

— По рукам-то по рукам, но это, Иван Викторович, я тебе даю. Поэтому с тебя та девица, молоденькая поэтесса, которую ты себе недавно в новые секретарши взял, Светлана, кажется, ее зовут. Пусть у меня посекретарит.

— Хм... — глубоко вздохнул Горов. — Ну, да ладно, чего для друга не жалко. Только и ты пойми, от сердца, что называется, отрываю, поэтому и с тебя, друг Виктор Иванович, причитается.

— Что хочешь, Иван Викторович?

— Ты собрался принимать в свой союз одного молодого и перспективного стихотворца.

— Кого ты имеешь в виду?

— Того же, кого и ты — Смольникова Валерия.

— Лады, — немного подумав, вернее, представив все видимые и невидимые достоинства получаемой в дар молоденькой поэтессы, согласился Рогов.

...Теперь читатель понимает, почему раздосадованная и оскорбленная в своих лучших чувствах Светлана так подробно, в мельчайших деталях, рассказала все Славскому? Всю ночь не спал Анатолий Михайлович, все думал над услышанным, думал о том, какие дела в подлунном Энском мирке творятся, и вспоминал свою личную историю взаимодействия с союзами.

...А началось это взаимодействие сразу же по приезде Славского из центра соседней губернии в Энск. Пришел он тогда со своими книжками и конспектами в СПЭ познакомиться с местными писателями. Нужно сказать, что Анатолий всегда выглядел солидно, а тут по случаю надел свой лучший костюм, что заметно прибавило ему респектабельности. В союзе за столом в одиночестве сидел седовласый человек и читал какой-то журнал. На приветствие вошедшего, он встал и протянул посетителю руку. Как оказалось, это был сам председатель — Виктор Иванович Рогов. Разговорились. Анатолий Михайлович показал ему свои книги, вырезки из газет, список публикаций, кое-что прочел вслух.

— Вы хотите вступить в союз? — спросил Рогов, делая ударение на «хотите».

— Если старшие товарищи посчитают возможным меня принять и дадут рекомендации, то да, — ответил Славский.

— Нет! Я спрашиваю, *вы* (он сделал сильное ударение уже на «*вы*») хотите вступить?!

Теперь-то Анатолий Михайлович понимал: «Какие рекомендации? — Пустое это все! Денежки нужны были, видимо он принял меня за богатого», — подумал он.

...Вспомнилось ему, как еще в ранней молодости пригласили их отметить день рождения знакомого подруги жены в расположенном недалеко от дома Анатолия ресторане. Поднимали тосты, выпивали, ели, танцевали... А в конце оказалось, что у друзей нет ни копейки денег, чтобы расплатиться за все... На недоуменный взгляд Анатолия Вадим, так звали «знакомого подруги», заявил: «У вас (так же, как и Рогов, делая ударение на «*вас*») что, денег нет?!» Недолго недоумевали Анатолий с женой, пришлось ему идти домой — ведь он был в квартале хода от ресторана — и принести требуемую сумму, о которой «друзья» потом благополучно забыли...

...И тогда в союзе писателей недоумение Анатолия Михайловича было недолгим. Отворилась дверь, и вошедший седовласый, как и Рогов, мужчина с возгласом: «Эхма!» припечатал к столу пол-литра чистой, как слеза, жидкости. Вслед за ним пришел еще один седовласый, как потом выяснилось, заместитель председателя Кленов, и достал из портфеля пластиковый контейнер с порезанной на кусочки селедкой и пакет с порезанным же на аккуратные ломтики, дурманно пахнущим черным хлебом. Славский собрал книги и бумаги — он не был любителем выпивок, хотя мог, конечно, поддержать дружеское застолье, немного выпив для атмосферы. Но с чужими людьми, как в данном случае, не любил этого делать. Потому, чтобы не мешать компании, ушел.

...Прошло полгода. Как-то позвонил Рогов и, продиктовав телефон Афанасьева, главреда «Литературного Энска», сказал, что тот хочет с ним поговорить. Славский созвонился с Иваном Алексеевичем и на следующий день встретился с ним. Тот, посмотрев документы и трудовую книжку, предложил Анатолию Михайловичу должность заместителя. Славский сразу же согласился, ибо любил эту живую — с авторами, издательствами и материалами — работу. Но тут началось. Ежедневные звонки от Рогова и Кленова чередовались с аналогичными от Горова и его зама Неелова с предложениями набрать на компьютере тексты их рассказов, повестей и романов, стихов и поэм и отдать их, естественно, бесплатно, в газету, чтобы печатать с продолжением. Зная финансовое положение газеты, Анатолий Михайлович посоветовался с Афанасьевым.

— Поступай, как хочешь. Набирать, не собирать — дело твое. А то, что финансы у нас поют романсы, знаешь сам, — ответил тот на вопросы Славского.

Анатолий Михайлович мэтрам отказал. После чего его нигде — ни в альманахах, ни в коллективных сборниках обоих союзов даже за деньги не печатали и несколько раз к ряду проваливали на собраниях по приему в члены. К слову, эти собрания — тема отдельного фельетона. А дело вот в чем.

Например, в союзе 50 членов, из них 15 человек недееспособны, то есть уже давно ничего не пишут и куда не ходят. А «изюминка» в том, что каждый из не посещающих собрания давно уже написал «вечную» доверенность на имя только одного человека. И этим счастливец, конечно же, является сам председатель. Следите за мыслью? Получается, на собрании как бы присутствуют все 50 человек, но голоса не равноценны: председатель, вместе со своим, имеет 16 голосов и может распорядиться ими по своему усмотрению. А если учесть, что несмотря ни на какие рекомендации и агитации, как председатель проголосуют еще 3—4 человека, то хотя бы слегка знакомому с арифметикой становится ясно, что, имея 19—20 голосов, можно при желании заблокировать или, наоборот, принять любого кандидата, так как прием осуществляется при наличии 2/3 голосов от 50-ти, то есть 34-х.

Читатель может возразить: «Ну, а новые члены, они ведь дееспособны, на собрания ходят и могут проголосовать “не так”?» Святая наивность, все предусмотрено: на одного-двоих независимых (талантливых ведь все же надо принимать) всегда примут двоих-троих, пусть и менее талантливых, а может, и вовсе посредственных, но — своих. Вот и вся «высшая математика». И она одинакова как в одном, так и в другом союзе, которые, как читатель уже понял, в Энке суть одно, но разделенное на два предприятия. Ну, как тут не вспомнить постоянно краснеющего Александра Яковлевича из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова.

Вспомнилось это все, и так тоскливо стало на душе общительного и деятельного Анатолия Михайловича, что хоть... Нет, наш герой, несмотря на сильные душевные переживания не только от несправедливости по отношению к себе, но и вообще от несправедливости, не таков, чтобы бежать топиться на дальний мост, где хоть какая-то река течет...

Куда же податься бедному литератору Славскому из этого затянутого тиной озера литературной жизни Энска? Тут как-то мелькнула надежда. По городу прошел слух, что собираются создать Общество духовных писателей. Нашелся и энтузиаст, который под это Общество уже и литобъединение организовал, куда вошли созданные им же два клуба духовных писателей. Да недолго они просуществовали и вместе с так и не открывшимся Обществом канули в лету. Оклеветали человека и «ушли», вот и дело с концом. Нечего высовываться и баламутить «чистую» заводь.

Так что, уважаемый читатель и не менее уважаемый литератор, культура и ее важнейшая часть — литература,— думается, дело общегосударственное, а не частное. В противном случае таких и еще больших странностей нам не миновать!

ИНКВИЗИТОР

Многое происходит в жизни. Часто даже такое, что думаешь: ну, вот это — точно выдумки, а если и нет, то уж точно не со мной произойдет, ан нет, глядишь, и случается. Вот и в славном городе Энке, утопающем в зелени, где наряду со зданиями новейшего архитектурного стиля мирно уживаются здания всех предыдущих эпох, произошла, читатель, следующая история.

На старой тихой улице, среди маленьких частных домов, стояло старинное красивое здание университета, в прошлом пединститута, готовившего добропорядочных советских учителей, так хорошо описанных в произведениях многих советских же писателей, а теперь — сугубо «болонских» спеццов (не поворачивается употребить в применении к ним доброе старое слово — «специалист»). И работала в этом университете преподавателем немецкого языка и литературы Александра Михайловна Харламова. В прошлом — нужно сказать, она, будучи активной подвижницей некоей христианской церкви — сейчас уже не упомяну какой,— вела на местном телевидении передачу «Спасение» — во времена оные чего только не было на телевидении и радио, вспомним хотя бы пресловутое «Аум-синрикё». А до этого, в «катостроечные» годы, по линии комсомола Александра Михайловна вела молодежное кафе, где в неформальной обстановке, не мытьем так катаньем, подвигала молодежь на «ускорение», «углубление» и «расширение».

Завела она по былой памяти в университете литературную гостиную. Дело-то само по себе благое, хорошее. Да вот только людей со всего города собиралось, в интимной, так сказать, обстановке, всего 3—5 человек. Пришел как-то, узнав о мероприятии из газеты, и поэт Николай Кириллович Яковлев, которому, ну, не нравилась келейность всех городских литобъединений и клубов, мечтавший о широком общественном движении по развитию культуры, литературы и в частности поэзии — бывают же такие люди! — среди горожан. Гостиная ему весьма понравилась и своим антуражем, и дружелюбной обстановкой, да и имевшимся рядом большим залом, что тоже немаловажно. И решил,— эх, почему он не был ясновидящим? — что будет ее активным участником, будет приглашать авторов и вообще творческих людей и, что считал главнейшим,— слушателей.

Николай Кириллович рассказал об этом Харламовой, она отнеслась с одобрением, и он, не щадя живота своего, стал обзванивать друзей и знакомых, приглашая их со знакомыми же на мероприятия. И что вы думаете? — Уже на третью, считая от первого его появления, гостиную пришло около семидесяти человек! Был создан литературный клуб «Светоч»,— они с Александрой Михайловной — сопредседатели,— стали проводиться, кроме гостиных литературно-музыкальные вечера, посвященные известным поэтам и прозаикам, важным общественным датам. Словом, работа пошла. Но вот беда — преподаватели университета, имеющие отношение к филологии и русской словесности, именитые литераторы, приходящие иногда на гостиные и вечера,— никто,

кому, как говорится, сам Бог велел, так и не подвинулся на занятия с любителями и начинающими. Никто! — Сколько бы разговоров с ними на эту тему ни велось.

Посему решил Яковлев, что поговорка «Быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается» в данном случае не работает, ибо «сказка» долго сказывалась, а работа ни на йоту не продвигалась. И он, не бросая работу в «Светоче», задумал организовать еще один клуб, но уже при местном Обществе содействия развитию культуры. Там уж, думал Николай, — где еще, как не там? — точно найдутся люди, которые станут продвигать народную литературу и способствовать совершенствованию любителей — поэтов и прозаиков.

Когда Яковлев зашел в кабинет к председателю Общества Максиму Сергеевичу Родомыслову — молодому симпатичному человеку, — его весьма поразил шикарный вид кабинета, наличие последней марки кондиционера и новейшей модели компьютера. Теперь он не удивлялся богатому авто представительского класса у входа. Кроме того на стене кабинета висел огромный — полтора метра на метр — живописный портрет хозяина кабинета. При первых же словах знакомства Николай Кириллович почувствовал непререкаемый начальственный тон — это у молодого-то человека! — и дистанцию, создаваемую всем поведением собеседника.

Но выслушав, то ли сообразил для себя новую выгоду — «Господи, да какую же?» — подумал Яковлев, — то ли он попал, что называется, «в струю»: может быть, поветрие такое создалось в городе, или, скорее всего, это будет хорошо для некоей отчетности верхам... Так или иначе, а случилось, что Родомыслов сразу согласился... Позволил, дал добро.

Теперь дело стало за малым — найти себе помощника в организации нового клуба, — и название уже Николай придумал на ходу — «Радость».

Вот тут-то мы и приступаем ко второй части нашей истории...

Жил в Патрусевске сын в прошлом крупного советского чиновника Алексей Сергеевич Владимиров. Окончив среднюю школу, он не захотел идти по стопам своего отца — институт, партшкола и далее партийная же или чиновничья карьера, а пошел в военно-морское училище, после окончания которого ходил по разным морям земного шара и дослужился (не без помощи авторитета папы, конечно) до капитана 1-го ранга, командира крейсера. В свободное время на корабле выучил английский и немного испанский и, как говорится, в иностранных портах пил виски и ром.

Однако пришла перестройка, вернее, катастрофка, флот сильно сократили, и он, не дослужив до положенного срока два года, сошел на берег, вернулся в родной город, размышляя, чем бы заняться, в чем его предназначение? Все вокруг уже, казалось, ответили себе на эти вопросы, и в ажиотаже бросились зарабатывать деньги. И тут Владимиров в зале филармонии на концерте заезжего московского солиста встретил старого знакомого. Правда, не сразу узнав его, он заходил то спереди, то сбоку, а когда понял, что это его одноклассник Дмитрий Семенов, обратил на себя внимание, назваля. И тот — уже Дмитрий Иванович, лысоватый и с брюшком — узнал в подтянутом, но с обильной сединой, человеке Алексея. И началось: «Сколько лет, сколько зим!» — «Да как ты?» — «Да где ты?» — «Ну, это же надо, вот так встретиться!» — «Да-а-а!..» — «А ты постарел...» — «Да и ты, гляжу...» и прочая и прочая. Весь антракт ушел на эти обычные реплики.

В следующем антракте они, вновь встретившись в фойе, разговорились.

— А ты, значит, моряком стал?

— Да.

— Откуда же прибыл?

— С Черноморского флота, из Севастополя.

— До кого дослужился?

— Капитан 1-го ранга в отставке.
— Это как полковник, что ли?
— Ну, да. А ты как сейчас?
— Я владелец фирмы.
— Ого! А чем твоя фирма занимается?
— Компьютерами и телевизорами.
— Ты по специальности электроник? Что закончил?
— При чем здесь «электроник»? А закончил наш пединститут, но это неважно.
Я — бизнесмен!
— Ну, а если, Дмитрий, нужно разобраться в технике, а ты в ней, гуманитарий, ничего не понимаешь?
— На то у меня есть инженеры-электроники. Слушай, а иди ко мне, ты кто по военной специальности?
— Инженер по автоматическим системам управления.
— Вот! Мне как раз требуется начальник отдела над всеми этими электрониками, которые нужны, чтобы в случае чего довести телик или комп до ума. Пойдешь?
— А пойду! — сказал Алексей Сергеевич.
Так наш герой стал сразу чуть ли не замом директора, то бишь, хозяина фирмы. И вот тут-то...

Но прежде нужно коснуться внутреннего мира Владимирова. Школа, военноморское училище и служба его, находились под мощной, как теперь выражаются, крышей отца и отцовских связей в верхах. И когда в истории страны случился — хотел, дорогой читатель, сказать перелом, да язык не поворачивается, — катастрофический слом, и все привычное быстро и разом рухнуло, и отец, скорее из-за стрессов, а не по возрасту, быстро покинул сей мир, что совпало с досрочным увольнением Алексея Сергеевича из армии и его «швартовкой» в родном Энске, но уже без «крыши», без связей и без денег, так как они обесценились прямо на глазах, вот тут-то и вылезло таившееся в глубинах его души содержание... Привыкший всегда и везде быть первым: школа с золотой медалью, лучший по сумме баллов выпускник училища, на службе — хоть и сторожевого катера, но командир, и далее командир эсминца, командир крейсера, — он и здесь, на фирме, никак не мог свыкнуться со второй ролью. Была ли это моральная неустойчивость из-за плохого воспитания или генетическая предрасположенность — трудно сказать, здесь нужно проводить глубокое психологическое исследование личности. Но, так или иначе, оказавшись в данной ситуации, Алексей Сергеевич проявился именно так, а не по-другому. Между Владимиром и Семеновым началась тайная война, вернее, односторонние действия первого против второго, о которых последний долго не догадывался, — привык доверять людям, тем более другу детства и человеку, получившему из его рук все готовенькое. А когда понял, было уже поздно, ибо за два года «друг» сплел такую сеть интриг и подкопов, что нервы Дмитрия Ивановича — а нервы в те годы, по сути, войны за выживание у людей были на пределе, — не выдержали, и он с инфарктом попал в больницу... Когда же выписался, фирма была уже не его, а благополучно перешла в руки Владимирова. Видимо, до больницы Дмитрий Иванович наш где-то, как-то, что называется, «подмахнул», не глядя, один документик, да оно и понятно, не до того было... Но не будем останавливаться на подробностях, как это все делалось, — хоть дьявол и в деталях, — ибо читатель и без нас поднатюрел в этом, посматривая многочисленные телесериалы на тему «друг, жена, сын и так далее... кинул». Одним словом, разобравшись в том, что произошло и кто виноват, и не зная что делать, от горя Семенов впал во второй к ряду инфаркт, после которого, как сказал врач, бороться было уже противопоказано. И получив часть капитала в виде отступных, — совести еще хватило у бывшего друга, — ушел в сторону.

Так Владимиров стал крупным бизнесменом. Но, несмотря на положение, была у него одна слабость. Алексей Сергеевич еще с юности любил петь под гитару. И вот это его увлечение и привело однажды на гостиную в «Светоч».

И тут начинается третья часть нашего повествования.

Владимиров не пропускал ни одного заседания клуба, более того, активно выступал на гостиных, вечерах и выездных встречах: пел, читал стихи классиков, вслух анализировал произведения выступающих. Все бы хорошо, но со временем — ну, как скрыть большое? — была замечена за ним одна странность: Алексей Сергеевич перед каждым мероприятием подходил к Яковлеву и настоятельно просил ставить его аналитическое выступление самым последним, даже после самих ведущих, то есть обзорно завершающим. Это стало несколько коробить ведущих, пару раз они ставили Владимирова в конец списка выступающих, но, прослушав его амбициозные критические выступления, отказали в этом. Отказ был воспринят нашим «героем» недоброжелательно. Но больше он этот вопрос не поднимал и по-прежнему, среди прочих, пел, читал и анализировал, однако только тех, кого успел прослушать.

И вот, когда клуб «Радость» был организован, и были проведены две гостиные, Николай Кириллович понял, что на оба клуба его не хватит. К тому же, нужно сказать, он был занят еще и работой в редакции одной из губернских газет. Проследив за активным участием Алексея Сергеевича в работе «Светоча», оценив положительно его организационные способности и умение разбираться в людях и произведениях (а амбиции руководителю не помеха), и, несмотря на отмеченные отрицательные моменты — на безрыбье и рак — рыба,— надеясь, что загруженность работой и ответственность сбалансируют плюсы и минусы, Яковлев предложил ему возглавить «Радость». Владимиров сказал, что никогда не руководил творческим коллективом, кроме того, сам не литератор, а только исполнитель. Но Николай обещал ему активную помощь, на этом они пришли к согласию, и уже на следующей гостинной в ОРСК Яковлев представил пока еще нескольким участникам клуба нового руководителя. Николай Кириллович сдержал свое обещание — всячески поддерживал Алексея Сергеевича и не только в «Радости», но и в «Светоче», передал ему всю методику организации гостиных, тематических литературных вечеров и выездных мероприятий, телефоны всех знакомых ему энских литераторов и исполнителей, постоянных слушателей-зрителей, а также известных в городе авторов исторических и краеведческих проектов, творческих людей районов губернии.

Поначалу их сотрудничество складывалось хорошо: Яковлев помогал Владимирову организовывать и вести мероприятия, подсказывал что-то по телефону, сам приглашал новых людей в «Радость». Однако постепенно стали происходить довольно — опять-таки! — странные вещи: новый руководитель стал явно тяготиться Николаем Кирилловичем, нервничать, несколько раз в разговоре резко отвечал, а потом и на самих мероприятиях стал публично ему хамить и с каждым разом все сильнее. Тогда-то и оставил Яковлев «Радость», тем более что там все заладилась.

«Радость» процветала — уже информация по всему городу и не только пошла о том, что в Энске кроме известного клуба «Светоч» еще и новый клуб есть, который проявляет свое особое лицо. Но не тут-то было...

Стал Николай вдруг замечать некоторое охлаждение к себе со стороны Харламовой. Вот она стала частенько намекать ему, что он как бы что-то должен рассказать, в чем-то признаться... Даже на одном вечере, посвященном Г. Р. Державину, она опять весьма загадочно, при всех, предложила ему «это» сделать. А когда он с непониманием поглядел на нее, последовало: «Нет? На вечере не хотите?..» Но в глаза о причине своего такого поведения сказать так и не решилась...

Прошел месяц. И вдруг раздался телефонный звонок:

— Ну, как там дела у сайентологов? — спросила Харламова.
— Что-что?
— Да-да, Николай Кириллович, мы все знаем.
— Не понял, Александра Михайловна, в чем дело?
— В Интернете опубликована информация: вы в списках московской сайентологической организации!
— Не может этого быть!!!
— Да как же это? Своими глазами видела!
— Так вы же Интернет не любите и не работаете в нем. Сами ведь сколько раз говорили!
— А мне показали!
— Да кто же?
— Алексей Сергеевич проявил бдительность.
— И что он вам показал?
— Да я же вам уже сказала!
— Боже мой, ну, как же это может быть, если я туда никогда не вступал!
— Это вам судить, как это может быть. Но факт есть факт! Поэтому, Николай Кириллович, мы в ваших услугах более не нуждаемся!
— Большое вам спасибо! Теперь получается, что я ни к одному из организованных мною клубов и отношения никакого не имею?!
— Ну, почему же? Вы можете приходить, слушать, выступать...
— То есть как руководитель-сопредседатель я уже не нужен?
— Получается, что нет...
— Понятно, ведь клубы уже не только организованы, но и известны в губернии, благодаря...
— Николай Кириллович, разговор закончен!
— Вот как! И это все на основе этого интернетовского фейка?
— Какого еще «фейка»?
— Это же клевет, клевета, подделка!!!
— Ну, нет, Николай Кириллович, документ со всеми реквизитами — адресом, электронной почтой, телефонами. Телефоны, правда, уже устарели, но почта оказалась прежней. Мы списались и нам все подтвердили. Вы в списках!
— Да этого просто не может быть!!!
— Так, мы уже по второму кругу с вами пошли...
— Всего доброго, Александра Михайловна, суди вас Бог!
— И вам того же!..

На сем они расстались. Ошарашенный не только новостью, но и отношением, Яковлев долго не мог успокоиться. Как же? Его детища — уже не его, отобрали, даже не поблагодарив за сделанное. Но, понемногу успокоившись, он решил все же войти в Интернет и попытаться разобраться — правда ли есть такая информация? Николай набрал свою фамилию и имя в окне поиска в Google, и сеть выдала ему множество страниц. Оказалось, на земном шаре у него было множество тезок. Упорно, где-то с час времени, «полистав» странички, он, действительно, нашел-таки себя в некоем списке, датированном годом пятнадцатилетней давности. И он начал вспоминать...

В те годы, живя в Москве, Яковлев интересовался разной информацией, в основном духовного плана, бывал на презентациях разных учений, ради любопытства и для литературного творчества, приобретал там книги, чтобы поглубже познакомиться с предметом. Пришел он как-то и на сайентологическую презентацию. Хотел купить у них книгу — киоск располагался рядом с входом, прямо за ресепшн. Но, оказалось, чтобы это сделать, необходимо было пройти. А чтобы пройти, нужно было зарегист-

рироваться, то есть просто сообщить свои Ф. И. О., что Николай легко и сделал, ни о чем таком плохом и не думая. Это только потом, пройдя через многие тернистые жизненные обстоятельства, приобретя многие знания и опыт, он понял, что сайентология — это новое издание «информационной армии». Тогда же, приобретя книгу, он напрочь забыл о своем посещении, тем более о каком-то списке на ресепшн. Вот так Яковлев и попал через пятнадцать лет, как кур во щи, в «костер инквизиторов». И «раскопал» это все (это же нужно было так постараться!) наш «героический» моряк и бизнесмен Владимиров, из благодарности, конечно.

Зато университет приобрел предмет своей гордости, пункт в отчете для верхов — не допустил «сайентолога» в свое чистое лоно, выявил и удалил, «дезинфекцию» произвел, так сказать, инквизицию*.

Все бы хорошо, да на литературные гостиные в «Светоч» стали ходить все те же прежние 3—5 человек. Несмотря на все попытки Владимирова стать сопредседателем клуба (кстати, у него это не получилось), люди как-то так, сами по себе, разбрелись кто куда. То ли неинтересно стало, то ли привыкли к Яковлеву, к тому, как он приглашал, вел, звонил после мероприятия — благодарил за участие, обсуждал... Ведь фактор душевного подхода еще никто не отменял, как и душу, и ее проявления. Харламова же, как говорила — в силу занятости, — а фактически из-за характера, этого делать не стала, да и не могла. А Владимирову то ли разрываться на два клуба стало не с руки, то ли — что более соответствует истине, — люди его в «Светоче» не приняли... Вот и вспомнилась старая русская поговорка: «Бог не Микишка, Он все видит». Но клуб «Радость» процветал по-прежнему. «Что это — избирательность? — думал Николай, и сам себе отвечал: — В известном смысле, да. Ведь более виноват не доносчик, а тот, кто ему поверил. А доносчик от содеянного, может быть, мается во сне и наяву. Ну, да Бог ему судья!»

Харламова, призванная, по самой должности своей, сеять разумное, доброе и вечное, когда закулисные дела сработали на прекращение деятельности в области литературы в самом, что ни на есть отдельно взятом, лоне культуры и образования, растерялась, так как не ожидала подобного эффекта. А ведь уже и студенческая молодежь, было, потянулась...

Ну, а клуб «Радость», как и на былой службе Алексея Сергеевича крейсер, двигался по жизни своим ходом, но уже под его единоличным командованием, впрочем, как и «завоеванная» фирма. Все свои способности на сто процентов реализовал этот человек — вписался-таки в общество победившего Хама. Красиво получилось, ничего не скажешь!

КРИТИКИ

«Критики должны иметь место. Без них не может быть полного счастья».

Ильф и Петров
«Хроника б. Херсонской губернии»

Много в жизни такого, над чем хочется посмеяться. К тому же смех, говорят, полезен для здоровья, но больше для тех, конечно, кто сам смеется. А тому, над кем потешаются, зачастую и обидно бывает, и даже очень. Вот и приходится смеяться внутренним смехом, когда лишь чуть подергиваются щеки и раздаются негромкие звуки то ли поперхивания, то ли судорожного покашливания, как говорится, — смех сквозь слезы.

---

* Инквизиторы так и не «сознавшихся», то есть не согласившихся с обвинением, людей сжигали на костре заживо, а тех, кто принимал обвинение, «раскаявшихся», перед сжиганием удушали.

Вот и о том, что рассказал и показал мой приятель Георгий и что я хочу вам в свою очередь поведать, хочется и смеяться, и плакать.

Дело было в воскресенье на очередном заседании литобъединения Энской губернии. ЛитО как ЛитО,— только, конечно, с чем сравнивать? Перефразируя известное изречение Л. Н. Толстого, скажем: все счастливые организации похожи друг на друга, каждая несчастливая — несчастлива по-своему... На заседание в старинном зале, в это морозное воскресное утро на праздник литературы собралось достаточно много людей. Литератору нужен праздник, а то все работа да творчество, работа да творчество... Юноши с девушками, но все более люди зрелого и почтенного возраста сидели и, перешептываясь, кутались от холода в зимние пальто и шубы (общественные места у нас теперь плохо отапливаются) в ожидании начала, которое всегда, как известно, несколько задерживается. Рядом с Георгием, уронив подбородок в меховой воротник куртки, средних лет мужчина перебирал листы с напечатанными стихами. Как бывает при редких встречах, все между всеми уже было переговорено, и в зале стояла тишина.

Но вот появился солидный, судя по выражению лица, походке и осанке,— заслуженный, преклонных лет руководитель объединения. Это был Кленов Сергей Маркович, заместитель председателя Союза писателей Энска. Заседание началось. Все зашуршали своими отпечатанными и написанными от руки текстами стихов, рассказов и эссе. Однако, движением руки призвав всех ко вниманию, ведущий достал из дипломата только что изданный двухтомник своих стихов и, потрясая им в воздухе, размеренно, с ритмическими ударениями, с небольшим пренебрежением, как это обычно делают мэтры, прочел одно довольно длинное стихотворение. После чего, скромно потупив взгляд, предложил желающим после мероприятия приобрести двухтомник по сходной цене в пятьсот рублей.

— Графоман,— тихо проговорил впервые приглашенный мною молодой человек, но его шепот потонул в бурных рукоплесканиях членов литобъединения.

Когда все успокоились, заседание пошло своим обычным ходом. Люди по очереди выходили и читали перед собравшимися свои произведения, после чего начиналось обсуждение — кто-то делал упор на положительные моменты, а кто-то, наоборот, останавливался на отрицательных. Литераторов ведь (за редкими исключениями, связанными с непочтением к Уголовному кодексу) судят не в судах, а на литературных собраниях. Заключительное же слово по каждому прочтению, конечно же, принадлежало мэтру, в гордом одиночестве восседавшему за столом, с лежавшими на нем томами своих стихов.

Подошла очередь выступать и соседу Георгия, мужчине средних лет. Он бодрой походкой вышел вперед и, встав у колонны, стал декламировать. Когда он прочел четвертое стихотворение, руководитель остановил его и предложил начать обсуждение. Но присутствующие почему-то прочитанные стихи обсуждать не стали. Точку над «i» поставил председательствующий. Он, спросив предварительно, где мужчина учился, в каком литобъединении занимается (оказалось, что он инженер, стихотворчество осваивал самостоятельно и нигде не состоит), сказал, что стихи достаточно слабые и над ними нужно еще много работать. В частности отметил сбивку ритма, слишком вольную рифму, местами неверно поставленное ударение, не совсем правильные словообразования и несколько слабых образов.

Наконец сосед вернулся на место.

— Мне понравились ваши стихи! Да и другим, по всей видимости, тоже. Видели? — Никто не критиковал. Я не согласен с мнением руководителя,— сказал Георгий.

Но сосед, наклонившись к нему и давась от смеха, тихо проговорил:

— Ну, и литобъединение у вас!

— А что такое? — тоже негромко спросил Георгий.
— Если руководитель не узнал руки «нашего всего»!
— Кого-кого?!
— Пушкина, Александра Сергеевича нашего!
— А при чем тут Пушкин? — удивился Георгий.
— Так ведь я, правда, малоизвестные, но его стихи прочел! А уж учителю-то следовало знать стиль гения русской поэзии...

На этот раз прыснул Георгий, правда, покраснев, ибо и сам не узнал в понравившихся стихах их автора. Как оправдание ему пришла мысль, что он не мэтр и таким себя не считает.

— И вы правы, никто, кроме руководителя, не критиковал! — сказал сосед.

— Да-да, никто, кроме него!

И они оба затряслись тем самым утробным смехом, боясь помешать окружающим слушать завершающие заседание разглагольствования председательствующего о достоинствах великой русской поэзии.

Вот такой случай, а может быть, не случай, но промысел Божий, имел место в Энском губернском литобъединении. И произошло это то ли в Год культуры, то ли в Год литературы, сейчас уже Георгий и не упомнит. Но не суть важно, ведь и культура без литературы невозможна, как, впрочем, и литература без культуры. Можно еще поспорить, кто важнее — поэт или прозаик, простой литератор или именитый, да хоть и сам руководитель писательской организации, но произведения ведь сами за себя говорят.

А вот еще к теме. Встретил как-то Георгий одну поэтессу, глядит, а в глазах ее тоска несусветная.

— Что с вами стряслось? — спрашивает.

— Да вот, послала свои стихи поэту Залужскому, который в клубе всем предлагал свою помощь по разбору стихотворений. А он слова на слове не оставил в них, все раскритиковал в пух и прах, ничегошеньки хорошего не нашел...

— Как же так, совсем ничего?

— Совсем!.. — И у нее на глаза навернулись слезы. — Думаю, нужно бросать это занятие...

— Ты погоди, не торопись, мало ли кто что скажет!

— Да нет, видно нет у меня способностей... — вяло проговорила знакомая и, опустив голову, пошла своей дорогой...

...Георгий знал Станислава Евгеньевича Залужского. Это был человек сильный, зрелый и, хоть у него имелось множество знакомых, и по большей части женщин, одинокий. Друзей же у него не было, да и какие друзья могут быть у человека, который всегда не любил людей, а если с кем и разговаривал, то с женщинами, чтобы покрасоваться перед ними и, скорее всего, не только, а с мужчинами, чтобы показать свою непобедимую мужественность, а то и предложить свою помощь при случае. И еще у него был «пунктик», вернее, целый «пункт» — критиковать чужие стихи. «Для чего писать стихи, которые никому никакой пользы не приносят и по определению принести не могут, тем более высокой культуре? — любил говорить он. — Ведь уже все написано классиками, что может быть лучше?»

— А ты сам-то ведь пишешь стихи? — как-то спросил его Георгий.

— Я уже все свое написал. Да и работы много — других править, а то и вообще отбивать от писания.

— Ну, и как ты считаешь, твои стихи хорошие?

— Считаю, что хорошие, — нимало не сомневаясь, отвечал Залужский. — А по-

этов сейчас просто нет! Я, может быть, последний... Все, что пишут современные стихоплеты, гроша ломанного не стоит... Молчи, не говори мне ничего о них, слушать не хочу! — воскликнул он, заметив, что Георгий хочет ему возразить.— Дай мне любое стихотворение, и я разложу его по косточкам так, что «мяса» не останется.

И Георгий припомнил, как однажды, в литклубе, куда он тогда ходил, Станислав Евгеньевич налетал на все, что читалось там и публично громил поэтические произведения, буквально уничтожая авторов.

Это воспоминание наложилось на недавнюю встречу со знакомой и посещение Георгием заседания литобъединения, о котором говорилось выше. А тут еще одна поэтесса написала письмо, что хочет бросить писать стихи, так как Залужский запретил (!) ей. Это было последней каплей. «Кто дал ему право так судить, плевать в душу и бить молотком по голове?! — возмутился Георгий.— Да, у каждого человека свой уровень, но ведь он может качественно расти!» И он решил устроить «критику» проверку. Как-то он отнесется к малоизвестным стихам великих поэтов?

Решив так, Георгий послал Залужскому по электронной почте письмо, прикрепив к нему четыре малоизвестных стихотворения: по два А. С. Пушкина и С. А. Есенина, и попросил (взял грех на душу) посмотреть их как новые стихи знакомых авторов. Расчет был таков: если он одобрит, то и впрямь всем нужно прекращать писать стихи; а если раскритикует, то всем буду говорить, подтверждая свои слова этим фактом: «Пишите, друзья!»

Залужский ответил на следующий день — «критик», как всегда, щелкал стихи, как орехи. Ниже, читатель, содрогаясь от утробного смеха, по старой опаске,— как бы кому не повредить,— приводим тексты посланных стихов и комментарии «судии» к каждому из них.

С. А. Есенин

* * *

Кто скажет и откроет мне,
Какую тайну в тишине
Хранят растения немые
И где следы творенья рук?
Ужели все дела святые
Ужели всемогущий звук
Живого слова сотворил?*

Комментарий С. Е. З.:

— Не могу понять, и принять к сердцу, обстоятельство места «В ТИШИНЕ». А если не в тишине, то тайна ясна? Но это — цветочки. Да, да — мысль, с трудом, но понимается. Автор не точно употребил это слово. Оно в нашем языке не однозначно из-за понятия относительности. Но он-то хотел образ абсолютного беззвучия! Поэтому, здесь это слово просто недопустимо, уводит в сторону.

— Последняя строфа сложена нелитературно (так написано Залужским — **прим. авт.**). Я долго не мог прочитать мысль трех последних строк. Прошу автора, на будущее, проставлять полностью знаки препинания. Так вот, чтобы правильной передать читателю свою мысль, совершенно необходимо поставить запятую после слова «СВЯТЫЕ», дефис после слова «УЖЕЛИ» и троеточие (выразительная пауза!) после «ВСЕМОГУЩИЙ ЗВУК ЖИВОГО СЛОВА».

---

* «Кто скажет и откроет мне...» (с. 271).— Газ. «Ленинская правда», Чарджоу, 1961, 2 дек. № 144 (в статье В. Белоусова «Ранние стихи Есенина»). Печатается и датируется по письму к Г. А. Панфилову 1913 г. (РГБ). Отрывок из стихотворения «Смерть», полный текст которого неизвестен (см. письмо к Г. А. Панфилову и коммент. к нему в 6 т. наст. изд.).

БУРЯ*

*Дрогнули листочки, закачались клены,
С золотистых веток полетела пыль...
Зашумели ветры, охнул лес зеленый,
Зашептался с эхом высохший ковыль...
Плачет у окошка пасмурная буря,
Понагнулись ветлы к мутному стеклу
И качают ветки, голову понуря,
И с тоской угрюмой смотрят в полумглу...
А вдали, чернея, выползают тучи,
И ревет сердито грозная река,
Подымают брызги водяные кручи,
Словно мечет землю сильная рука.*

Комментарий С. Е. З.:

— Нет гармонии в образе: Листочки неуказанного растения — дрогнули, А закачались в лесу — только клены, А с золотистых веток (зеленого!) леса полетела просто пыль...

— Ветры — ламинарное течение воздуха, они не могут шуметь сами. Шум создается колебанием всего, что на его пути... Но об этом автор уже говорил. Так что пусть заменит «зашумели ветры».

— Об «ЭХЕ» говорят, если оно создано одиночным звуком. У автора же, звучит целый оркестр, тут уж не до эха! «Зашептался с ветром высохший ковыль!»

— Буря — на улице и по всей округе, а «у окошка сидит кошка».

Почему буря — пасмурная? Это все равно, что змея — злюка. Но это как посмотреть...

— Понагнулись ветлы, а еще — голову понуря... — это повторение сказанного.

— Угрюмая тоска ветел, как и пасмурная буря, не свойственны природе, но лишь человеку.

— Полутьма в двух ипостасях — в стекле и под тучами. Так, куда же смотрят эти ветлы? От таких вопросов нужно уходить.

— Если выползают тучи (во множ. числе), то бури еще нет. Она приходит с огромной одинокой тучей. Так что пусть пишет «выползает туча».

— Эпитет «грозный» — стационарен, он постоянно угрожающий. Советую поставить «Гневная река», это о силе прибывающей воды.

— Образ водяных круч, даже виртуально, не дробится на брызги. А вот, о каплях дождя у автора не сказано вовсе.

— Последняя строка вызывает недоумение: Речь идет о воде, а в метафоре — мечет землю сильная рука...

А. С. Пушкин

* * *

*Стрекотунья белобока**,
Под калиткою моей*

* Слова. Серебряный век. Сергей Есенин <http://slova.org.ru/esenin/drognuli/>

** Стихотворения 1829. Дата создания: 1829, опубл.: «Материалы для биографии Пушкина» — «Сочинения Пушкина», изд. Анненкова, т. I, 1855, стр. 344—345. См. также: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957 г. Том третий. Стихотворения 1827—1836, с. 154.

*Скачет пестрая сорока
И пророчит мне гостей.
Колокольчик небывалый
У меня звенит в ушах,
На заре алой,
Серебрится снежный прах.*

Комментарий С. Е. З.:

— «Под калиткою...» — допускает мысль о мертвой птице. Лучше «За калиткою...»

— Предпоследняя строка урезана? Нужен эпитет.

— Снег, снежная пыль — не есть снежный прах. Таковым можно назвать лед или воду. Хорошо бы убрать это слово совсем.

* * *

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковверные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.*

Комментарий С. Е. З.:

— Чем оправдан эпитет «легкая способность»?

Меня он озадачил.

— Думаю, что слово «прошли» — фатальное, невозвратное. А «ушли» — переходящее, потому и вернулись.

— «Мощная власть» — термин технический. А поэтическим будет лучшим — «вечная власть!»

Примечание:

В текстах комментариев Залужского сохранена авторская грамматика и стилистика.

...Судите сами, читатель, содрогаясь уже не от нутряного, а от вполне звучного, открытого смеха, а то и хохота по поводу рассказа Георгия и переданных им мне материалов, какие у нас критики — никого не пощадят, даже гения русской поэзии и всей русской литературы А. С. Пушкина и народного любимца и замечательного поэта С. А. Есенина — строфы на строфе не оставят. Только и вам, наверное, обидно за многие чистые поэтические, пусть с еще не совсем совершенными стихотворными проявлениями, души. Потому, как и мне, вам уже не смеяться, а плакать, наверное, хочется...

Но я говорю вам: «Пишите, друзья, пишите и совершенствуйтесь!»

* Дата создания: 1835, опубликовано: 1855. Источник: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 т. М., 1956—1962. См. Стихотворения Пушкина 1835 г. См. также: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957 г. Том третий. Стихотворения 1827—1836, с. 347.